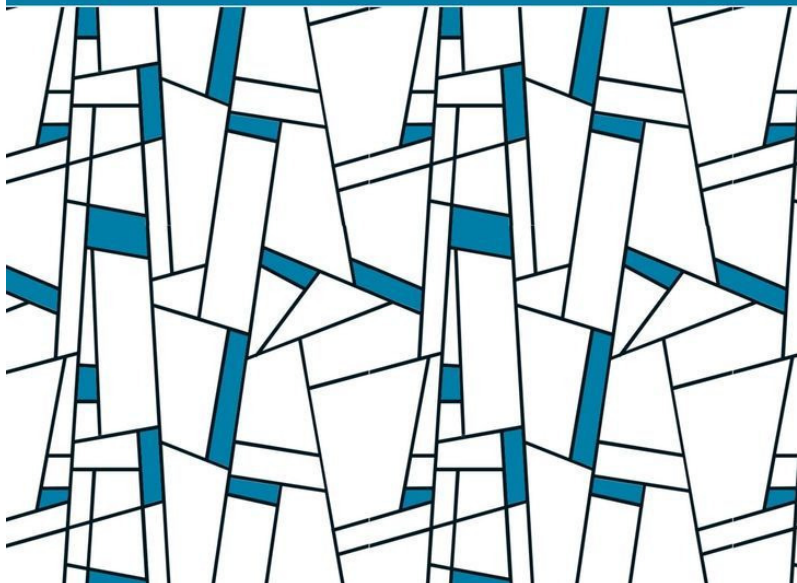

18+ Екатерина Нечаева

Юрфак

роман

Екатерина Нечаева

Юрфак. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71039776

ISBN 9785006450264

Аннотация

Юрфак – факультет, на котором изучается наиважнейший закон: каждый человек не просто имеет право на счастье, он обязан быть счастливым. Но что делать, если жестокость отца воспитывает в ребёнке ответную жестокость? Как жить, когда открывается нелицеприятная тайна, долгие годы хранимая самым близким тебе человеком? Автор, переплетая в повествовании множество философских тем и проблем, обратился к реальной уголовной хронике, вписав её в выдуманную канву повествования.

Содержание

Послепрочтённое	5
ПРОЛОГ	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ХРУПКИЙ ЛЁД ДЕТСТВА	13
Глава первая. Шоколадные снегурочки	13
Глава вторая. Жаба	31
Глава третья. С севера на юг	42
Глава четвёртая. Пуговка	54
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Юрфак Роман

Екатерина Нечаева

Редактор Владимир Нечаев

© Екатерина Нечаева, 2024

ISBN 978-5-0064-5026-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Послепрочтённое

Второй роман Екатерины Нечаевой является своеобразным продолжением первого – «На другой стороне лжи». Во-первых, один из персонажей перекочевал на новые страницы в качестве главного героя. Во-вторых, нынешний роман – также про то, что происходит на другой стороне жизни – не видимой, но существующей: не видимой извне как в силу невозможности (потому как экзистенциальные переживания – это сугубо внутренний опыт), так и в силу простого человеческого желания оставаться в неведении относительно тёмных её сторон. Автор обратился к реальной уголовной хронике, вписав её в выдуманную канву своего повествования. В-третьих, проявление культурной матрицы пермского духа (зона, вольница, эхо, скит) продолжило своё бытование на страницах и этой книги. Первый роман был пропитан душой Перми, а этот – суровым воздухом Пермского края. Географические и исторические отсылы очень познавательны: зимник, судьба пленных немцев, архивные документы по возникновению первых тюрем. Читаешь, например, о последних и понимаешь, в каком страшном мире мы живём: люди мельчают, и преступления становятся всё более изощрёнными, словно малость внутреннего объёма души компенсируется в них, пыжась, чем создаёт иллюзию своей великости.

Роман сплетён из множества философских тем и проблем: мужская и женская дружба, природа добра и зла, проблемы прощения и самопрощения, мир глазами ребёнка, истоки жажды власти, разные лики любви, жизненный выбор, смысл времени. Екатерина, слышавшая, естественно, о Карле Густаве Юнге и его учении об архетипах, смогла точно транслировать коллективное бессознательное в сюжет и образы персонажей. Данный факт ценен: он показывает, что не только сам автор писал роман, но роман отдался автору, писался через него, как будто гении (духи-посредники бессознательно) нашептывали о важнейших первоформах культуры: архетипах Матери и Отца, Анимуса (архетипе мужского начала) и Аниме (архетипе женского начала), и авторское изображение с лихвой наполняло их фантазийной конкретикой.

Вновь текст читался так, что оторваться было невозможно! Я оказалась под воздействием авторской магии плетения текстового полотна – плотного, увлекающего, с лёгкостью переключающего внимание читателя с одной эпохи на другую. А какие потрясающие своей свежестью художественные описания природы, населённых пунктов, состояний героев!

Развитие сюжетной линии оказалось настолько непредсказуемым – ранищим и исцеляющим одновременно, – что это вылилось в стихотворение:

Нехватка воздуха от неожиданного поворота,
и сердце с уханьем – вдоль позвоночника челноком,
неспешность мысли вмиг оборачивается охотой:

несясь, как гончая, не взирая на в-горле-ком...

Души обшивка пробита, словно корабль – об рифы:
подкожный ужас предстал изнанкою красоты.

Латать пробоину доверяю любви и – мифу
о тех, кто держит и отпускает свои бразды...

Финал романа получился открытым. И это – блестяще!

Он играет роль лакмусовой бумажки, указывающей на внутреннее состояние читателя, его мировоззренческие установки: не на пессимизм или оптимизм, а – на способность или неспособность верить в силу в любви, быть в ней.

Я – не оптимистка, но я знаю на примере «Божественной комедии» Данте Алигьери, что тот, кто познал рай (любовь), сможет вынести любой ад – не тем, что будет игнорировать его, но – помнить его реалии ровно настолько, чтобы воссоздавать рай в своей жизни и жизни своих любимых. Только любовь способна держать баланс прошлого и будущего в жизни человека, о чём глубоко рассуждает Екатерина почти в самом конце романа. Только любовь исцеляет. Только любовь реализует желание и долг быть счастливыми.

*Кандидат философских наук,
поэт Наталия Хафизова*

ПРОЛОГ

**по характеру и свойствам своим
более соответствующий предисловию**

Идея написания романа «Юрфак» пришла тогда, когда несколько случайных, казалось бы, дорог сплелись в одну – не случайную – и образовали крепкое устойчивое полотно. Однажды (в баре, в приятной обстановке, под ненавязчивую музыку) знакомая рассказала, с какими делами ей приходится сталкиваться и как обычные гражданские дела приобретают статус уголовных. Одно из преступлений вызвало сильное негодование, и появилось желание написать об этом. В описании аферистской схемы я сознательно не прибегала к детализации: не потому, чтобы эта книга не стала инструментом по созданию сомнительного бизнеса, а потому что, в первую очередь, это истории людей, отягощённые разными жизненными ситуациями.

Название родилось сразу и уже не менялось. Но «Юрфак» – это роман не о тех, кто учится на юридическом, а о тех, кто, выражаясь языком Канта, ищет внутренний закон в себе, кто, умея восхищаться звёздным ли небом, или шумом дождя, или звуком лопающейся почки, созерцает нечто большее, чем заложено в любом природном явлении, наделяя его осознанностью. Сама жизнь становится факультетом, на котором изучаются её законы, постигаются основы

неписанных истин, рождаются и гаснут свои звёзды.

Как только я приступила к написанию романа, случилось ещё одно событие, оказавшее и на меня, и сам роман большое влияние. В апреле 2021 года меня пригласили как писателя на конференцию во ФСИН (Федеральная служба исполнения наказаний г. Пермь). Конференция началась с доклада кандидата исторических наук Космовской Анны Алексеевны! Да, в конце предложения именно восклицательный знак, потому что доклад Анны Алексеевны касался разбойных приказов (мест, где вершилось правосудие) и соликамского списка колодников XVII века. Мысль вплести эти факты в роман пришла сразу же, с Анной Алексеевной договорились прямо в зале, где проходила конференция (а для чего микрофон существует? громко озвучивать свои желания!), и уже в конце дня доклад был у меня. Случайность? А как же тогда ещё множество фактов, бисером упавших на полотно сюжета? Например, в почти пустом автобусе, следующим по маршруту Березники-Пермь, ко мне подсел мужчина, оказавшийся в прошлом начальником снабжения базы облпотребсоюза? А я как раз пару дней назад «выпустила» в рейс героев романа именно с этой базы... Он многое порассказал, в том числе, и о схемах махинаций по распределению товара в маленькие магазины отдалённых районов. Этот момент в книгу не вошёл, но сам факт встречи с человеком, распределявшим товар, который уходил на наши севера, остаётся знаменательным. Тем более, что примерно

в то же время и мой отец работал там водителем. Это с его слов была проложена зимняя ледовая дорога по Каме. Позднее слова эти были подкреплены жителями п. Ильинский, где мне не единожды довелось побывать и где я увидела, откуда начинался спуск на зимник (ледовую дорогу).

Как автор основным посылом романа я бы выделила мысль, что каждый человек не просто имеет право на счастье, он – обязан быть счастливым. Ни это право, ни эта обязанность не прописаны ни в одном законе и не изучаются ни на одном реально существующем факультете. Освобождает ли незнание закона «быть счастливым» от ответственности за его выполнение? Жить один раз и не использовать право быть счастливым... Не быть счастливым... Вдумайтесь в это!

Но возвращаюсь к роману.

Вечный бег, а точнее, постоянные побеги одного из главных героев (самостоятельно решившего занять значительное место в повествовании!) – из области фантазмагии, но нереальность этого факта не умаляет того, что это могло бы быть на самом деле. «Возможно ли такое?» – спросила я у консультантов-юристов, чьи имена останутся за кадром, потому что упомянутые дела на момент написания книги находились в производстве, и услышала, что теоретически – да, возможно. И этот вечный бег склеивает эпохи и картины жизни, оставляя следы на душах и судьбах героев.

На откуп читателю с замираем сердца я вручаю судьбу

ещё одного главного героя, Гущина Сергея Сергеевича, переселившегося в сюжет из предыдущего романа («На другой стороне лжи», февраль 2021г.), дабы получить шанс новой жизни и обрести своё право быть счастливым. Его сложное детство раздроблено на три главы первой части, написание которой мне давалось ох как эмоционально нелегко! В противовес этому цельной главой прописывается картина детства одной из героинь, Вали Лаваневской, вышагнувшей позднее во взрослую жизнь натурой крепко скроенной. И даже мне, автору, неведомо, что объединило эти два выбившихся из-под контроля персонажа? Возможно, дорогой читатель, в этом разберёшься ты, ибо видишь больше и дальше, чем тот, кто мечется в ограничивающих восприятие буквах, словах, фразах, кто скован сюжетными линиями.

Жизни героев, их портреты и характеры складываются из фрагментов, разбросанных по всему повествованию. Собрать их воедино, создать цельное полотно, завершить мысль автора, додумать её – значит, дать жизнь каждому, кто живёт на этих страницах. Не спешите судить тех, кто встретится на юрфаке университета по имени Жизнь. Несмотря ни на что, не выносите им скоропалительных вердиктов. Позвольте им быть собой и раскрыться в полной мере. Позвольте им быть счастливыми, ибо счастье скрыто в полноте проживания момента, а не в том хорош этот момент или плох, ведь каждый момент жизни – последний.

P.S. То, что изначально планировалось как предисловие

к роману в целом, стало вступлением к третьей части.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ХРУПКИЙ ЛЁД ДЕТСТВА

Глава первая. Шоколадные снегурочки

– Какую ручку сначала скушаешь у снегурочки? Левую или правую? – мама восторженно смотрела на Серёженьку огромными ярко-синими глазами, в которых таилась такая глубина, что постичь мысли этой миниатюрной женщины, росточком достигающей едва ли полтора метра, не мог даже её муж, окончивший в этом году пединститут и обосновавшийся в ближайшей школе в роли учителя физкультуры.

– Пвавую! – восторженно кричал мальчуган, мило закатывая глазки и резко выбрасывая вверх кулачок правой руки. – И евую! А потом говаву!

Мальчонка был мил. Впрочем, редкий ребёнок не мил в три с маленьким хвостиком. На круглом личике, обрамлённом прелестными чёрными кудряшками, красовались множественные следы шоколада и сверкали глазёнки, очень похожие на мамины, только цвет их получился несколько размытее, не такой яркий, как подзатянутое дымкой небо.

Супруги Гущины вместе с маленьким сынишкой занимали одну из комнат двухкомнатной коммунальной квартиры. Жили они на последнем этаже «малолитражного» дома, а потому знавали все прелести вечно текущей крыши: жёлтые разводы на потолке и подтёки на стене, смотрящей трёхстворчатым окном с облупившейся краской на улицу, были красноречивыми свидетелями того, что латать дыры надо вовремя. Справа от окна, по подоконнику которого, дабы уберечь жильцов от сквозящего ветра, было проложено старенькое красное стёганое одеялко, в самом углу, в ожидании Нового года и убежавшего в магазин Сергея-старшего стояла маленькая, как из песенки, живая ёлочка, раззолоченная прошлогодней мишурой и высеребренная таким же прошлогодним дождиком. Немногочисленные стеклянные игрушки, перекочёвывающие из года в год с одной ёлки на другую, поражали воображение мальчика своими формами и... своей несостоятельностью. Вчера он, к примеру, хотел съесть клубничку с ёлки, но игрушка сломалась, а он поранил палец, но не заплакал, а лишь изумлённо смотрел, как, густея, тихонько сочится кровь. Папа тогда пошутил, что, мол, кровь идёт – значит, живой. Серёжа был любопытен и многое выспросил у него про живое и мёртвое. Недоумению ребёнка из-за клубнички не было предела, поэтому сегодняшнее поедание снегурки доставляло необычайное наслаждение, хотя и тут не обошлось без конфуза: Серёжа ещё со вчера знал, что, когда порежешься, то идёт кровь, что это нормально

и скоро заживёт, надо только засунуть пораненный пальчик в рот и прижать языком ранку, но внутри снегурки крови не оказалось, даже после того, как мама остатки её разрезала на мелкие части.

– Она мёвтвая? – испуганно спросил любознательный мальчишечка, чуть-чуть расстроившись, что он ест не живую снегурочку, и маме Лесе пришлось присовокупить к персонажу любимого всеми праздника ещё и шоколадного зайчика, в первую очередь потерявшего от острых зубок милого мальчугана свой хвостик. Заяц внутри оказался полым, и Серёжа, будучи эмоциональным ребёнком, расстроился окончательно. Утешали его долго: сначала успокаивала Леся, потом подросел из магазина папа Серёжа и толкнул героическую речь о терпении. Сын мало что понял, но громогласные слова отца возымела своё действие, и он притих.

И старшее поколение, и так называемые подруги говорили Лесе, что она балует сына, что так вольно растить детей нельзя, но возгласы их её не смущали. Да и не общалась она на тот момент почти ни с кем, скинув с себя, как ярмо, и подруг, и родителей. Главное, что муж, тоже Серёжа, её в этом поддерживал. Да и как не поддержать! Сколько они отхватили всякого от сокурсников, от преподавателей, от родителей! А от комсомольской организации института?! Вызывали на собрания, отчитывали за недопустимое поведение как вместе, так и по отдельности. И ведь никто не поддержал залетевшую на втором курсе Леську, более того –

многие и вовсе отвернулись, а потом пошли советы раздавать, советчики! Сами пусть такого зайку родят да на ножки поставят... Ах, эти ножки! Полненькие, сбитые! Отличные ножки, быстро бегают да крепко держат. И она тоже крепко встанет на ноги, несмотря на то, что институт пришлось бросить. На завод пойдёт или продавщицей, неважно, в Советском Союзе безработицы нет... Правда, в воздухе витает, что и секса тоже нет... Тогда откуда дети берутся? От правительства, что ли? Или аистов на всех хватает? Так иногда думала сказочная красавица Алеся, но, не умея долго жить в прелестной головке, мысли быстро покидали тешившуюся материнством женщину, снова и снова провозглашавшую своего маленького мужчину самым необыкновенным, самым умным, самым-самым!

Но вскоре после Нового года, приблизившего всех советских людей почти вплотную к восьмидесятым, а город, в котором им довелось родиться и жить, к статусу города-миллионника*, Алеся пропала. Как в воду канула, и найти её так и не смогли. Вместе с ней пропали все её фотографии и документы. Гуцин-старший долгое время сокрушался, особенно на людях, потом свыкся с одиночеством и с сыном, а однажды в мужской компании пошутил, что, мол, Леся утонула в собственных глазах и недомыслиях. Гуцин-младший слова эти отчаянно пытался понять, рисуя в своей дошколярской голове озеро маминых восхищённых глаз, в которое она ныряет и – не выныривает. Серёже из всего, что было связано

с матерью, запомнились глаза, не сходящая с лица улыбка и тот их вечер, когда она, смеясь, кормила его шоколадными фигурками. После её исчезновения ему крайне не хватало восторженных реплик, нежных рук, поцелуев и объятий. Отец зашивался на работе, и мальчишка, рано познав дворовую жизнь, рос сам по себе, успешно бойкотируя бабушек и дедушек.

Иногда Серёже снились странные сны, в которых он на берегу овального озера с наслаждением уплетал различного пошиба снегурочек и зверьё, реально ощущая их шоколадный вкус. Ему казалось, что озеро, переливаясь цветастой рябью, восхищается им. Но потом стала являться мама, и характер снов изменился.

Гущин-старший выполнял отцовский минимум: вовремя забирал ребёнка из садика, ходил с ним куда-нибудь в выходной, покупал с зарплаты новую игрушку, но отдачи от сына, охотнее проводившего время во дворе, не получал, и постепенно его обязанности свелись к обеспечению необходимыми ресурсами и к физическим нагрузкам. Каждое утро Гущины, отец и сын, отжимались, подтягивались, обливались, качали пресс. До дрожи в руках, до коликов в животе. Во время этого процесса старший вбивал в голову мальчишки мысль, что всё даётся через боль, в том числе, и достижения, и младший раз за разом, давя в себе желание разрыдаться, терпел утренние попытки отца быть отцом.

А потом настали школьные годы. Сергей пошёл в ту же

школу, где работал отец. Казалось, что теперь-то парень всегда на виду, всегда под присмотром, но не тут-то было! У младшего школа отнимала намного меньше времени, чем у старшего, а потому после уроков он принадлежал сам себе.

Стояла ранняя осень, та золотая её пора, согреваемая солнцем и желтизной деревьев, что даёт обманные ощущения нескончаемого лета.

Над городом раскинулось огромное ярко-синее небо, небольшими бурунами по которому расстилались перистые облака. Двор млел от ровного приятного тепла. Лёжа на лавочке около своего подъезда и глядя ввысь, млел вместе со всем двором и первоклассник Гуцин.

В песочнице под зоркими взглядами переговаривающихся мамаш возюкалась малышня. Возле огромного тополя, что рос у соседнего дома, столпилось трое мальчишек из их класса. Серёже было не интересно, о чём они говорят. Ему было интересно, если бы сейчас к нему подошли и сказали, какой он классный, просто отпадный, но к нему никто не шёл. Он закинул ногу на ногу и положил на лицо портфель, всем видом привлекая к себе внимание. Тщетно. Мальчишки, изредка повышая голоса, говорили о чём-то своём, по всей видимости, важном.

Рядом с ухом что-то зажужжало. Серёжа, обладая стальными нервами, скосил глаза: по портфелю, всё ближе и бли-

же подбираясь к лицу, ползла жирная переливчатая муха. Она, не обращая никакого внимания на хозяина новенького портфеля, иногда останавливалась, вертела головой с выпуклыми глазками, шустро потирала тоненькие лапки, вздрагивая перепончатыми крылышками, и продолжала путь дальше. Была ли цель у мухи, пусть попробуют объяснить диптерологи*, но в голове мальчишки моментально вызрел план.

– Смотрите, что у меня есть! – громко сказал он, подойдя к одноклассникам. Все головы дружно развернулись в его сторону, и он гордо достал из-за спины переливающуюся муху, из которой торчала увесистая жёлтая травинка. Серёжа подкинул муху вверх, и она медленно, надрывно гудя, пробороздила воздух, но далеко не улетела – он ловким движением остановил её на лету, ухватив за соломинку. В глазах парней вспыхнул интерес, один воскликнул: «Ух, ты!», второй спросил, сам ли он так сделал, а третий стоял, разинув рот. Потом они все вместе проделывали этот фокус, отлавливая мух и даже шмелей. Над шмелями угорали хором – до того потешно те пыжились!

Мамаши малышей смотрели на резвящихся мальчишек, носящихся по двору с криками, но помалкивали в их адрес, мало ли чем дитя тешится – лишь бы свои не плакали.

А Серёга выдумывал всё новые и новые трюки, и все с восторгом смотрели, как далеко может улететь муха с оторван-

ными подкрылками или как сядет на цветок шмель без лапок.

Эта четвёрка, давшая себе имена благородных героев, не так давно по меркам времени влетевших на экраны телевизоров со страниц Дюма-отца*, с тех пор стала заправлять всем классом, сбивая с толку, с ног, с парт. Прозвище д'Артаньян как предводитель безоговорочно получил Серёга Гущин. Правда, очень быстро имена претерпели изменения в пользу краткости. Гущин стал Дартом, пухлый Портос Виталька превратился в Парту, Арамис Толика сократился до Ары, а Атос, ещё один Серёга, зазвучал как Атас.

Осень неумолимо перетекала в зиму, и вместо настоящих, обречённых на суетное выживание мух всё больше теперь летали мухи белые, холодные и равнодушные к забавам ребятни, но двор продолжал жить своей жизнью. Мамаши выставляли к подъездам спящих в колясках малышей или выгуливали их, неповоротливых, держа за шарфики сзади. На деревьях усилиями жителей двора появились кормушки для птиц, а у Гущина созрел новый план.

Ловить пичуг оказалось сложно, но, как говорится, можно, – Серёга весь изводился, пока тратил время на нежелающих участвовать в его экспериментах птахах, а потому каждая пойманная тварь доставляла огромное удовлетворение. С кошками дело обстояло куда проще – они клевали на ку-

сочки колбасы, как рыба на жирного червя, и при их поимке у мальчишки не возникало таких приятных ощущений, как в случае с птицами, но и кошки шли в дело.

Свой штаб Серёга обустроил за гаражами, что притулились к улице со стороны лога, по низу которого протекала речушка, полностью оправдывающая своё название Ива: чтобы пробраться к берегу, нужно было преодолеть немалое количество ивового кустарника, сплошь усеявшего местность. Но любитель живности был целеустремлённым – он проложил тропу как можно ближе к ручью, соорудил шалаш из больших веток, зацепив их за толстый сук давно высохшего надтреснутого дерева. Сооружение получилось высоким и просторным: можно было стоять во весь рост и даже прыгать. Перед шалашом Сергей вытоптал площадку для зрителей, на которой из кирпичей соорудил место для показательных выступлений. Своих друганов он позвал лишь тогда, когда всё, продуманное до мелочей, было готово. Уже тогда мальчишка не хотел делиться ни идеей, ни следующей за её воплощением славой: игрушки и всякая чепуха – другое дело, сам отдаст, сам предложит, последнюю рубаху снимет, но были вещи, которые он пока не умел объяснить, – непреодолимое желание, чтобы восхищались только им одним и чтобы при этом уважали за силу. Показушная раздача материальных вещей, иногда и предметов одежды, вызывала восторг у других, Серёжу ставили в пример за бескорыстие и доброту, а его не уравновешенное, порой драчливое пове-

дение списывали на возраст – мол, со временем образумится, по идее, парень добрый и отзывчивый, да и отец тут же, в школе, работает. Что может случиться? Всё под контролем! А в жизни Сергея, действительно, уже тогда ничего непредвиденного случиться не могло. Он понимал, что хотел, и получал это.

Смотрины штаба были назначены на после демонстрации, посвящённой Великой Октябрьской революции*, – время, когда взрослые усядутся отмечать праздник, а дети за столом будут неуместны. Вождю советского народа, свергнувшего страну в пучину застоя, предстояло последний раз взирать с Кремлёвской стены на шествующие колонны, зато предводителю антимушкетёрской братии выпало впервые собрать всех в своём штабе.

Встретились около гаражей и пошли гуськом за Гуциным по вытопанной узкой тропе. Снега, нескончаемо падающего уже четвёртый день подряд, среди деревьев и в ивняке было мало, хотя на улицах города он лежал плотным слоем. К обеде на пару градусов потеплело, но для шагавших по направлению к Иве любой мороз был бы не мороз, а не то что минус десять.

Первым делом ребята заценили шалаш, восклицая по очереди: «Ништяк! Класс! Ну, ты молоток!», а потом началось действие, приготовленное для них Дартом.

Все замерли, предвкушая, что сейчас будет что-то невероятное. От напряжения из носа пухлого Парты потекла зелёная жирная сопля. Парта швыркнул, подтянул содержимое внутрь и воткнул кулаки в обвисшие пухлые щёки, боясь проморгать главное. Нескладный, возвышающийся над всеми Атас, тёзка Гущина, то прятал в карманах озябшие руки, потому что потерял прошлогодние варежки, то натягивал на оголяющуюся спину коротенькую, ставшую маленькой ещё весной, курточку. Ара, самый мелкий, по-куриному перескакивая, топтался возле постамента из кирпичей. Одна нога у него была короче другой, и потому парень всегда конфузился и неохотно заводил друзей. Тогда, когда к ним во дворе подошёл Гущин, долговязый Атас и сопливый Парта привязались к нему из-за хромоты, задавали дурацкие вопросы и насмешничали, но впоследствии Серёга запретил под страхом «поотрывать им крылья» потешаться над Толиком, за что последний был крайне ему признателен. Кстати, Елена Викторовна, учительница, отметила Сергея Гущина как смелого и надёжного товарища, и Ара за него готов был порвать любого.

Вся троица терпеливо ждала, когда Дарт выйдет из шалаша. И он вышел, держа в левой руке огромные портняжные ножницы и нож, прихваченные из дома с кухни, а в правой – голубя с отливающей зелёную шею и испуганными бусинками глаз. Птица трепыхалась в обычной авоське едва различимого грязно-красного цвета.

– Вся наша жизнь – это страх и боль. Через боль мы узнаём себя и других, – заученно изверг из себя Гуцин-младший, придав словам отца свой смысл. – Через боль мы можем подчинить себе. Сегодня мы будем учиться причинять боль, потому что мир жесток, и мы никогда не знаем, что с нами будет и где нам это пригодится.

Для первоклассника это была блистательная речь, и мальчишки прониклись ею, не особо озаботившись сказанным. Серёга хладнокровно взял ножницы и, приноровившись к трепетанию «крылатой бестии», отрезал птице лапу. Ребята оторопели. Гуцин положил жертву на кирпичи и протянул ножницы Парте, у которого из носа снова выкатилась сопля и нависла над губой. Сглотнуть её Парта не решался, как не решался взять и ножницы. На помощь пришёл Ара – он в каком-то экстазе перехватил инструмент и проделал трюк со второй ногой: за все нападки, что терпел в садике и во дворе, за все те обидные слова, что звучали в его адрес из-за хромоты и скачущей походки, за всё, за всё он мстил сейчас миру через птицу, трепыхающуюся в сетке, дико вращающую глазами и беспомощно раскрывающую клювик. Ара тоже когда-то был беспомощен, но сейчас у него есть надёжный друг, и он может себе позволить мстить. Да-да, может! И он мстит.

– Ну! – прикрикнул Дарт на Парту и Атаса и замахнулся ножом. Парта чихнул. Сопля оторвалась и размазалась по драповому выцветшему пальто. Парта, пыхтя, неуклюжи-

ми движениями отрезал птице хвост, на что предводитель выкрикнул: – Молодец! Не дрогнул! Теперь твоя очередь, Атас.

Но Атас, в то время, как голубь пытался бить в авоське искорёженными крыльями, засунул руки глубже в карманы и вращал головой, как перепуганная птица.

– Ссышь, что ли, Атасик? Режь, или ты нам не друг! – взвизгнул Толик-Ара, в решимости сжимая кулаки.

Атас был выше всех, но худоба делала его жалким и тщедушным. Именно поддавшись жалости, он начал задавать вопросы хромоту Толику в тот злополучный день, когда к ним подошёл плотный, накачанный Серёга Гуцин. Сначала они с Виталькой просто спрашивали, но постепенно, незаметно для себя, стали шутить над недугом одноклассника и перешли на насмешки. Гуцин разорвал этот порочный круг.

– Режь! – напирали ребята.

Атас отступил, напоролся спиной на кусты и замер, мотая головой из стороны в сторону. Глаза стали влажными, а озябшие руки тяжёлыми, как будто не своими. Гуцин поиграл ножом у него перед лицом и снова протянул ножницы.

– Режь! Режь! Режь! – скандировали мальчишки, хлопая в ладоши и притопывая в такт ногами. Толик-Ара угрожающе поднял палку. Парта-Виталька взял в руки камень, но замахнуться не успел – Атас резко высвободил посиневшие руки из карманов и, выхватив камень у друга, устремился к истерзанному голубю. С криком «Ааааааа!» он несколько

раз саданул по голове птицы, избавив её от мучений и боли, и в изнеможении опустился рядом с лобным местом, отшвырнув от себя орудие убийства подальше в кусты и закрыв лицо руками.

– Молодец! – Гуцин-Дарт важно заложил руки за спину и прошёлся перед только что сколоченной стаей. – Отныне мы с вами – братья. Это наш штаб. Никому про него не говорите. Когда придёт время, тогда мы всем покажем, на что способны.

Детские шалости закончились, и отцовские слова «хочешь знать, на что способен, узнай, что такое пройти через боль!» обрели реальную жизнь. Вот только боль была чужой, а не своей.

Гуцин взял до неузнаваемости искалеченную птицу и швырнул в сторону вяло струящейся Ивы. Домой возвращались уже в сумерках. Серёга-Атас, чтобы не навлечь на себя гнев, изо всех сил пытался не плакать, Парта ежесекундно швыркал носом, а Ара, неуклюже подсакивая, крутился за спиной главного зачинщика. Говорили мало, но на прощанье крепко пожали друг другу руки, многозначительно переглянулись и разошлись по домам.

Вечером Гуцин, смакуя кусочки мяса, уплетал куриный суп и вспоминал каждую мелочь того, что произошло в густых зарослях ивняка. Выпивший сустатку* за ради праздника отец рано лёг спать и не досаждал сыну пылкими речами, хотя именно сегодня Серёже хотелось поделиться кое-

какими мыслями. Впрочем, это быстро прошло.

Никто из четвёрки взрослым ничего не сказал. Ара был горд, что стал причастен к чему-то небывалому тайному, Парта сразу же забыл про содеянное, а потому просто не мог испытывать каких-либо угрызений совести, да и Атас, путив на ночь слезу и попереживав немного «подумаешь – голубь!», спокойно заснул.

Похождения четвёрки в штаб продолжались вплоть до Нового года. При этом в округе становилось неуволимо меньше птиц и увеличивалось поголовье котов с отрубленными хвостами. Гуцин завоевал непререкаемый авторитет и восхищение своих друганов. Территория штаба выросла – рядом добавилась ещё и оперативная квартира для его заместителя Ары. Весной за хорошее поведение решено было построить ещё два шалаша для Парты и Атаса. Но человек предполагает, а бог располагает, и грядущая весна обошла Гуцина стороной.

Для первого дня нового года погода была отменной: лёгкий морозец, пушистые хлопья снега, медленно падающие с небес, полное отсутствие ветра. Ребяшня, пока взрослые отсыпались после праздничных гуляний, тусила во дворе с самого утра.

Возле огромного тополя, того самого, у которого и задружились парни, вертелась девочка в серой каракулевой шуб-

ке, вязаной синей шапочке и такого же цвета рукавичках. Она задирала голову вверх и негромко звала:

– Кыс-кыс-кыс!

С дерева раздавалось безутешное мяуканье.

Гущин, оторвавшись от обсуждения очередного похода на лобное место, подошёл в девчонке и деловито осведомился:

– Кого ты там зовёшь?

– Там кошечка, она слезть не может, – озабоченно проговорила девочка с большими светло-кариими глазами.

– А ты сама-то откуда слезла? Чёт я тебя раньше тут не видел, – думая, как произвести впечатление на симпатичную девчонку, Серёга задрал голову и посмотрел вверх на мягающее существо.

– Я из этого подъезда, – девочка махнула рукой на подъезд, возле которого росло злополучное для кошки дерево, – просто я раньше не ходила гулять одна, а сегодня меня отпустили. И теперь всегда будут отпускать, потому что мне в новом году уже в школу! – гордо завершила она свою речь.

– А-а-а-а, ты ещё в садик ходишь, – разочарованно произнёс Сергей и хотел было отступить от затеи спасения, но взгляд девчонки накрепко приковал к себе, да и пацаны тоже могли оценить его смелость. – Ладно, спасу я твою безмозглую кошку.

Он демонстративно снял новую коричневую болоньевую куртку, небрежно бросил её на деревянную лавочку с высо-

кой спинкой, стоящую тут же, под тополем, и, плюнув на ладони, полез вверх. Получалось лихо. Под деревом скопилась ребятня. Серёга чувствовал на себе восхищённые взгляды. Добравшись до увесистой котяры, он победоносно глянул вниз, потом на окна второго этажа, вровень с которыми он оказался, потом – на кошку, и тут обнаружил, что она без хвоста. Он протянул к ней руку, но рыжая бестия как взбеленилась! Она вздыбилась, выгнула спину и зашипела ему в лицо. Серёга оторопел, не зная, что делать: здесь озлобленная кошка, а там – толпа, жаждущая от него спасения животного. Максимум, что сделает кошка – поцарапает, но толпа запомнит и не спустит. Да, выбор невелик. Надо спасать. Жаль, куртку снял, сейчас бы накинул на этого рыжего упыря, как делал это обычно, и дело в шляпе, но куртка была внизу, а у него теплилась надежда, что взбалмошная кошка прыгнет сама, и он, давая протяжку времени, вперился в не зашторенное окно на втором этаже. Там красивая высокая женщина с тёмной тяжёлой косой хлопотала возле кровати, на которой лежала старуха.

– Там бабка какая-то больная, – крикнул Сергей сверху и показал на окно. – Её сейчас кормить будут.

– Это моя бабушка, – громко ответила девочка. – Она ходить не может. Её мама кормить будет.

– А чё она не ходит? – мальчишка перевёл взгляд на женщину в коротком халатике.

– У неё ноги парализованы, она инвалид, – последовал

добродушный ответ, Серёга же подумал о том, зачем вообще держать инвалидов, какая польза от них (вот он бы точно не стал возюкаться ни с какими инвалидами), но холод расслабился и долго думать не давал.

Кошка тем временем вскарабкалась ещё выше. Спасатель тоже переступил на ветку чуть выше, перехватываясь правой рукой, а левой пытаясь достать кошку. Да, хвост бы сейчас не помешал – схватил бы за него, и всё, а тут изворачивайся в угоду другим! Он снова глянул вниз – высоко, почти до третьего этажа долез. Сергею стало неуютно на голой холодной ветке, он почувствовал, как холод проникает сквозь толстый вязаный свитер, как коченеют пальцы, как дрожат колени, и он понятия не имел, как спуститься вниз – с кошкой или без неё. Он ещё раз протянул руку вверх и тихонько позвал:

– Кыс-кыс!

Дальнейшие события, как и многие поворотные действия в жизни, произошли в считанные секунды: кошка, ловко балансируя на ветке, вспрыгнула на четыре лапы, ощерилась, выгнула спину и сиганула Серёге на голову. Он схватил её за огрызок хвоста и дёрнул. Когти процарапали лицо, от боли мальчишка потерял равновесие и полетел вниз, успев отшвырнуть от себя разгневанное животное. Рыжий комок увесисто шмякнулся в сугроб, пробуравив собой снежную пещеру, а Гушин упал на спинку стоявшей под тополем лавки. Упал спиной.

Глава вторая. Жаба

После весенних каникул Сергея Гущина выписали из больницы, но в школу он ходить ещё не мог. Перелом позвоночника – дело серьёзное, почти геройское. Больше месяца мальчишка провёл в коме, потом лежал под присмотром врачей ещё полтора, и сейчас, будучи дома, находился в жёстком поддерживающем корсете.

Времени на раздумья у Сергея было предостаточно. Особенно его волновал вопрос об инвалидах. Вот он, пока не мог ходить и только лежал, тоже был инвалидом, привлекал к себе внимание, заботу отца, сказки на ночь от дежурных медсестёр, истории разные, его всячески оберегали, приносили еду в кровать, как той бабке со второго этажа. Когда выписали, то отец тоже берёт его: упражнений не было и удовлетворялись все капризы. Хотя ограниченность движений всё-таки больше раздражала, несмотря на возникшие множественные преимущества.

Узнав, что Серёгу выписали, его стали навещать одноклассники. Приносили конфеты, булочки, его любимые, вылепленные из слоёного теста, язычки за семь копеек из школьной столовки. Пришла даже Елена Викторовна, похвалила за смелый поступок, сказала, что об этом написали в школьной стенгазете, что весь класс гордится Сергеем,

и подарила ему книгу о трёх мушкетёрах. При этом в многоопытной голове учителя вертелась мысль, как хорошо было бы избавиться от не очень успешного ученика с неуравновешенным поведением, несмотря на все его геройства. Из всех одноклассников не побывал у него только его тёзка – Сергей Голубев по прозвищу Атас. Узнав, что Гущина оставляют на второй год, он решил больше не водить с ним дружбу и навсегда забыть, что происходило на спрятанном от глаз пятачке, обустроенном бывшим товарищем.

Летом отец увёз Сергея к морю – поправлять здоровье. Они много купались, загорали, разговаривали, возобновили физические упражнения. Напрягать спину было больно, но Серёга терпел, понимая уже не на словах, что значит познать себя через боль. Казалось, что отношения между ними наконец-то приобрели вид отцовско-сыновьих, таких, как и было нужно.

В августе судьба снова столкнула его с кареглазой девчонкой из соседнего дома, по вине которой он оказался на больничной койке. Она гуляла во дворе. Одна. Внутри Серёги мгновенно вызрел план отмщения. Нет, бить он её не собирался – ещё чего, репутацию портить, есть способы получше! Около мусорки он как-то нашёл кучу мерзко звучащего пенопласта и приберёг его. Вооружив сподвижников оружием единичного поражения, Гущин повёл их во двор.

Они окружили девчонку и стали издавать жуткие звуки. Деморализованная жертва закрыла глаза и зажала уши, а они кружили вокруг неё и гоготали. Танец пенопластовых аборигенов матерным криком прекратил подвыпивший мужичок, неожиданно появившийся во дворе. Мальчишки разбежались, но после этого ещё несколько раз заставляли девчонку врасплох и заставляли слушать ненавистную музыку.

В сентябре показушный герой-спасатель, ловко играющий на девчачьих нервах, пошёл во второй раз в первый класс. Он был выше и сильнее всех, ростом с ним равнялась разве что девочка по имени Лида – та, что попросила его спасти кошку и которую они толпой погружали в пенопластовые вакханалии. Как самые высокие они попали на последнюю парту в третьем ряду.

Гущин невзлюбил девчонку, принесшую ему боль и мучения, с одной стороны, но с другой, он понимал, что именно благодаря ей стал героем, и старался всё время её впечатлить, но дружба не клеилась – у Лиды были свои интересы: она много читала и занималась спортом. Правда, с учёбой Лида Гущину помогала, простив его дурацкие выходки с пенопластом, – давала списывать, попутно объясняя, почему тут так, а тут по-другому.

Прозвище Дарт кануло в вечность, и из нового класса вышагнуло – Гуца. Мушкетёрская четвёрка поредела, с Серёгой остались только двое: Парта и Ара. Но это не помешало им снова вернуться к своим делам. За пределами внима-

ния взрослых парни творили, что хотели, вгрызаясь в берега Ивы, обустривая там шалаши, места для жертвоприношений и обрастая честной компанией из избранных.

Гущин поднял сына, как обычно, в шесть утра. Во время зарядки случился странный разговор, воткнувшийся в память ребёнка. Отжимаясь, отец спросил:

– Ты помнишь маму?

– Да, – пропыхтел Серёга, сгибая руки и максимально приближаясь корпусом к полу.

– Что ты помнишь о ней? – ровно произнёс старший, словно не делал никаких упражнений, чего не удалось младшему.

– У неё были синие глаза, – сын побагровел от напряжения.

– А ещё? – отец не унимался.

– Красивые волосы, – ответил Серёжа, закончив упражнение и усевшись на полу. – А ты что помнишь о маме?

Отец помолчал, ухмыльнулся, сощурил глаза, и, делая значительные паузы, сказал:

– Она была... лёгкая... маленькая... такая воздушная вся... как безе... немного глуповатая... с сумасшедшинкой... очень аппетитная женщина...

Последнюю фразу Серёга не понял и переспросил:

– Как это – аппетитная? Вкусная, что ли?

Щёки отца на мгновение вспыхнули, в глазах мелькнуло

злорадство, но ребёнок этого не заметил, а лишь услышал смешливое:

– Вкусная, вкусная. Подрастёшь, сам расскажешь.

О маме они никогда не говорили, и разговор долго тяготил Гущина-младшего. Он раздумывал над словами отца, смакуя их и переваривая. Обратиться было не к кому, и он спросил у друзей, что значит аппетитная женщина?

Парта, как всегда подобрал из-под носа неувядающую зелень, внушительно сказал:

– Ну, у меня так отец мамке говорит, а потом щипает её за бок и обнимает.

– Прямо так и говорит? – недоверчиво шурясь, смотрел на него Гуща.

– Так и говорит: до чего ж ты у меня, Светуль, аппетитная женщина, и смотрит так на неё, как будто съесть хочет, – Парта так правдоподобно попытался изобразить голос и мимику отца, что Серёга прыснул со смеху. Ара суетился возле предводителя, заглядывая ему, по обыкновению, в глаза и стараясь придумать, как бы переплюнуть разбирающегося во взрослом вопросе Парту, но сказать было нечего: так же, как и Сергей, он рос в неполной семье с в меру, но часто выпивающим папой и бабушкой, которая изо всех тянула двух мужиков на своих плечах и не замечала, чем занимается её ненаглядный Толик. Но Аре не о чем было беспокоиться – ответ Парты лишь рассмешил Гущу, но не впечатлил его, и он ещё долго не находил себе места, терзаемый вопросом

об аппетитных женщинах.

– У меня есть штаб и оперативная квартира, – Серёга, едва шевеля губами, приступил к выполнению недавно сошедшего плана, в упор глядя Лиде в глаза и придавая своим едва шуршащим словам таинственности.

– Зачем тебе штаб? – вместо восхищения данным фактом спросила несносная девчонка, хлопая крышкой парты и раскладывая всё необходимое к уроку. – Ты с кем-то воюешь?

– Дура! – последовала незамедлительная реакция мальчишки, представившего, какая часть его соседки по парте наиболее аппетитна, и вспомнившего вкус курицы и золотисто-наваристого бульона. Почему-то жутко захотелось есть. Серёга, искоса наблюдая за Лидой, исподтишка сильно ткнул её ручкой в бок, но, кроме ответного «дурак», ничего не добился и, глотая слюни, устался в окно.

На улице вовсю пригревало солнце, щедро даря земле тепло, разливали свои трели разномастные птицы, вот-вот готовы были лопнуть набухшие почки. Весна вступила в полные права и ворковала, выплетая в безоблачном небе узоры из ветвей высоченных деревьев, чьи тени сочно рисовались на противоположной от окон стене класса. Гуцин вертел головой, глядя то на тень, то на законный пейзаж. В голове его рождался план по заманиванию высокомерной девчонки на свою территорию.

В конце учебного года, в один из последних его дней, напоённых солнцем и благодатью, он снова подкатил к Лиде, в этот раз – с вопросом, помнит ли она рыжую кошку, за которой он полез на дерево. Да, она помнила, как летел с дерева рыжий клубок. Она тогда подбежала к кошке и выкопала из-под снега, а потом долго согревала испуганное трясущееся существо под шубкой в подъезде. Падение Сергея она тоже видела и скорую помощь помнит, тогда весь двор переполошился.

– Ты смелый, спас кошку, молодец, – она спокойно, без должного восхищения, подвела итог их разговору и собралась покинуть класс.

– Постой! Помнишь, я про штаб говорил? – Сергей не терял надежды, что завлечёт её туда, для него это оказалось почему-то крайне важным, почти как дышать, и он с каким-то невероятным наслаждением увидел, как Лида, тихонько бросив «да», кивнула головой. – Так вот, у меня там много кошек живёт. Самых разных!

Глаза девочки загорелись, кошки – это интересно. Да, она придёт. А та, рыжая, там будет? Ха, а как же! Как без рыжей-то! Без рыжей никак!

Толпу ребяташек, около десятка, зачинатели мерзопакостных дел встретили у гаражей. Лида пришла тоже. Она была в кедах и в тёмно-синем тренировочном костюме с бе-

лыми полосками вдоль рукавов и по бокам штанин – не стала заходить домой, чтобы переодеться. Первоклашки, привлечённые из класса Гущи, взирали на рослых второклассников почти благоговейно. Ара довольно всех осматривал, цокал языком и щёлкал пальцами. Хромота, ставшая предметом его гордости, впечатляла и отпугивала. Парта, смачно высморкавшись и тряхнув рукой, провёл инструктаж, старательно занижая голос:

– Тропа узкая, поэтому не толпитесь, гуськом идите. Да под ноги смотрите, не везде ещё просохло. Пшли все!

Все медленно двинулись. Дорожка уходила под уклон. Сначала миновали железные гаражи, полуистлевшие сараи, покосившиеся заборы, потом ступили на тропу среди ивняка, который уже всюду весело зеленел. Теперь стало совсем круто, дети то и дело скользили вниз, хватаясь за ненадёжные ветки и натыкаясь друг на друга, но особенно неудобно стало идти в низине: земля тут просохла плохо и сочно хлюпала под ногами. Постепенно стал слышен шум речушки, напитанной весенними водами, а потому говорливой и неуёмной. Вскоре показалась и полянка, где был оборудован штаб и оперативные квартиры. Сквозь заросли, игриво звеня приближающимся летом, смело проникало солнце.

Ара и Парта построили всех вокруг возвышения из кирпичей и велели ждать. Лида подумала, что сейчас будет цирковое представление, и скривилась – она не любила цирк, но цирка не было. Перед ребятами из своего благоустроенно-

го шалаша появился Гуща и начал речь – ту самую, которую он не единожды говорил своим приятелям, только более усовершенствованную. Он рассказал, как стал героем, спасая кошку, и пообещал, что сейчас покажет, как можно закалять характер. Все слушали с любопытством, затаив дыхание. Гуща ходил перед толпой, сцепив руки за спиной и немного раскачиваясь. Голос его иногда поднимался до визжащих ноток, и это Лиде напоминало резкое звучание пенопласта. Ей захотелось домой, подальше от этой толпы и этого пахнувшего сыростью места, но Гуща уже закончил говорить и велел приготовиться. Ара и Парта торжественно вынесли из шалаша огромную коричневую жабу в литровой банке. Жаба смотрела из-за стекла мутными глазками и периодически открывала рот. Ара открыл банку, а Парта вынул беднягу и положил на кирпичи.

– Хотите тоже стать спасателями? Значит, вам нужно пройти через страдания и боль. Сейчас я покажу, как можно воспитать в себе смелость, чтобы потом помогать другим, – Гущин извлёк большой кухонный нож. Ребята, и так стоявшие молча, онемели напрочь при виде грозного оружия и невольно сбились в кучу. Лиде ещё больше захотелось убежать, но глаза жабы не отпускали – казалось, что она смотрит только на неё и молит, чтобы её освободили. Слышат ли жабы пение ручьёв, ведомы ли им звучания шумных потоков вод, призывающих на своё дно? Лида не знала о том, как жабы воспринимают мир, но её чуткое сердце уловило жа-

бью мольбу, увидело в её глазах беспредельную тоску. Она вышла из круга и взволнованно сказала:

– Отпусти её, она ни в чём не виновата.

– А если бы виновата, то что? – нагло ухмыляясь, резанул Гуща.

– То всё равно отпусти, – тихо проговорила отчаянная девчонка, забывшая о том, что ей обещали показать кошек.

– Тогда, может, ты будешь вместо неё? – он поиграл ножом перед мордой жабы. Ара подошёл ближе, предчувствуя интересную развязку. Парта замер между остальными и Лидой, мельком оценивая расстояние до тропинки, уводящей из кошмарного местечка. Бег в гору её не пугал – она уже училась преодолевать беговую дорожку с препятствиями, а недавно выиграла городские соревнования по спринту в своём возрасте.

– Может, буду, – твёрдый ответ Лиды поверг всех в шок, даже Гущу, не ожидавшего такого поворота, а потому открывшего рот и по-гусиному вытянувшего шею. Лида протянула руку за жабой, но верные приспешники оттеснили её, а живность распластали на кирпичях вверх брюшком, вдвоём прижимая её лапки к ржаво-рыжей поверхности. Промедление смерти подобно – воскликнула бы Лида, если бы на тот момент знала такую фразу! Но не нужными для детства словечками она ещё не владела, а потому, не рассуждая более, стала просто действовать. Как только Гуща занёс нож над жертвой и все в трансе замерли, она рванулась вперёд, вы-

хватила жабу из-под ножа, спрятала её в ладонках и со всех ног бросилась вверх по склону лога. Она бежала так быстро, как не бегала ни на одном соревновании. Ветки хлестали по лицу, ноги постоянно соскальзывали с тропы и застревали в ивовых прутьях, но она не останавливалась. Вверх! Только вверх! Вот покосившийся старый забор и истрёпанные временем сараи, а вот уже и гаражи, за которыми виднеются дома, вот... Она воткнулась в чей-то живот... Подняла глаза и увидела Сергея Геннадьевича, учителя физкультуры из старших классов, который не так давно возил группу ребят на соревнования. В спешке, отчаянно волнуясь, Лида рассказала о том, что происходит в логу, в штабе Сергея Гущина, раскрыла ладонки и ужаснулась – живность она спасти не смогла, Гуща успел-таки полоснуть по нежному жабьему животу ножом, и она всё это время бежала с умирающей жабой, у которой наружу вышли все кишки! Лиде стало дурно. Лицо посерело, пальцы как будто сводило судорогой. Она с ужасом смотрела на свои дрожащие руки, как будто сама убила эту жабу. Физкультурник осторожно взял из рук подающей надежды спортсменки искалеченное существо и аккуратно положил его подальше в кусты. Потом быстро проводил девочку до дома, заботливо осведомился, пришла ли она в норму, и стремительно зашагал в лог, крутя в голове не самые приятные мысли.

Глава третья. С севера на юг

Догонять длинноногую Лиду никто не стал, и хоть Ара и порывался организовать погоню, у него ничего не вышло. Гуща, уверенный в себе, успокоил всех тем, что девчонка всё равно никому ничего не скажет, иначе он самолично сделает из неё жабу.

Парта, предвкушая дальнейшее показательное выступление Гущи, вынес из шалаша ещё одну приговорённую к смерти живность. Ребята после поступка одноклассницы переговаривались и перемигивались – им тоже оказалось не по нутру то, что здесь происходит. Ара и Парта, как и в первом случае, опрокинув жабу брюшком вверх, держали её вдвоём за верхние и задние лапки. Гуща изготовился препарировать несчастное существо, но остальные ребята, взявшись за руки, дружно шагнули вперёд и закричали, чтобы Сергей не смел этого делать. Мальчишка остановился, развернулся к одноклассникам, держа нож перед собой, и зло посмотрел на толпу. Парта ослабил хватку и тоже повернулся лицом к ребятам, Ара же изо всех сил большим пальцем нажал на лапу жабы, и теперь она трепыхалась тремя лапками, пытаясь освободиться.

– Вы все слабаки! – выкрикнул Гуща. – Кто может из вас вырасти? Кучка недоумков! Труссы! Сколько раз ты можешь

отжаться? – он легонько ткнул ножом ближайшего к нему мальчишку, в глазах которого застыл тихий ужас. На уроках физкультуры Гушин отжимался и подтягивался в несколько раз больше, чем все остальные. Это был неоспоримый факт.

– Да, сколько раз? – подтягивал Ара, в одиночку удерживая жабу, потому что Парта, грозно сжав кулаки, переместился в эпицентр событий, поближе к Гуще. Ребята молчали, сказать что-то против успехов Гушина на уроках физкультуры они ничего не могли. Кто-то несмело предложил уйти и не связываться. Одна из девчонок, поглядывая на нож, заплакала. Гуща наслаждался эффектом, переводя играющее солнцем лезвие ножа то на одного, то на другого. Девчоночий плач стал громче. Толпа завозмущалась, и в это время, ловко перескакивая сырые места, на тропе появился Гушин-старший.

Вечером Сергею влетело по полной программе. Отец бросил его на панцирную кровать животом вниз, привязал за руки к металлическим прутьям, засунул в рот кляп и замахнулся. Сначала Сергей-младший сумасшедше вращал головой и выпучивал глаза, а потом потерял сознание. После того, как акт наказания был свершён, в изнеможении опустившись рядом, Гушин-старший заплакал. От отчаянья, от невозможности всё вернуть на круги своя, от того, что роль отца оказалась много сложнее, чем он предполагал. Его пугало, что дети поднимут шум, трезвоня обо всём на каждом углу, что его доброе имя будет опорочено. Что делать, он не знал

и не понимал. Бить ребёнка никогда не входило в его планы, но и быть отцом серийного убийцы тоже. Сотрясаясь всем телом, он навзрыд плакал и долго-долго гладил ноги Серёжи, потом аккуратно развязал руки, достал кляп и поднял футболку. Увидев сплошное месиво, сотворённое пряжкой ремня, он, размазывая слёзы по щекам, затрясся от плача ещё сильнее. Сына ли было жалко, себя ли, потерявшего контроль над самим собой, – он не понимал. Вызрело одно – отсюда надо уезжать. Как можно скорее.

Лето скомкалось, серой полосой протаранив время каникул. С окраинного рабочего посёлка отец и сын Гушины перебрались на другой край города, на десятки километров растянувшегося вдоль реки, и обосновались в новом спальном районе, только-только подошедшем к расцвету своего развития. Отец, привыкший к сдержанности и хладнокровию, а потому с трудом отошедший не столько от зверств сына, сколько от собственной ярости, шутил, что, мол, с севера на юг перебрались, что теперь теплее будет, но младшенькому было не до шуток. И не до тепла.

На улице уже всю желтело, рыжело, краснело, впечатывалось в до безумия голубое небо, а Серега всё страдал. Постоянно ныла спина, по внутренностям клубком из колючей проволоки бешено крутилась боль, казалось, что физические нагрузки были невыносимы, но постепенно эти ощущение

ния уступили перед натиском боли душевной, обретающей гротескные формы. Мальчишка, возненавидев отца, открыл для себя простую истину, что в этом мире нет и не может быть ни друзей, ни близких, ни вообще никого. Есть только конкретно взятый человек со своими болями, страхами, принципами, и, чтобы выжить в этом беспощадном мире, надо быть хорошим до кончиков пальцев, надо уметь притворяться, надо давать то, что от тебя ждут. Он не хотел больше никаких страданий. Не хотел боли. Его душа настолько замкнулась в одиночестве и обросла многослойным щитом, что всё внешнее имело для него значение лишь тогда, когда он был значим, в противном случае – его не интересовали ни отношения, ни события, словно бы их не существовало вообще. Ненависть, сквозь которую он не видел ничего и не чувствовал никого, стала его обычной средой обитания.

В шквале этих чувств и дум Гушин-младший неумолимо вырос под неустанным надзором отчаявшегося отца, превратившего всё существование сына в дрессуру: физические нагрузки сменялись умственными, умственные – механическими, механические, подразумевающие под собой формирование привычек, мучительно перетекали в накачивание мышечной массы, и так – по кругу. Добавились шахматы – чтобы совсем исключить свободное время. Их Сергей также возненавидел, потому что, отдаваясь внутреннему пылу, никак не мог понять элементарных тактических приёмов, при этом он чувствовал злобность и высокомерность отца, вы-

игрывававшего раз за разом и унижающего его своими выигрышами. Но больше всего Серёжа ненавидел привитие ему жёстких привычек и режимных моментов, особенно его выбешивало, когда отец говорил, что вредные привычки даются легко, но жить с ними ох как трудно, напротив, взрастить в себе что-то полезное – это стоит труда, зато жизнь потом легка и упорядочена. Чем больше мальчишка вырослел, тем больше неприятия вызывали в нём умности отца, но слова вонзались в душу и утаптывали себе местечки в нишах души, вгрызаясь в неё, словно дикие шакалы, почуявшие падаль. Ненависть, выпирающая из глубин требующей отмщения души, привязала ребёнка к отцу намного сильнее, чем любое иное чувство.

Но были в жизни Гущина-младшего и особенные моменты, которые выходили за пределы ненавидимых им вещей. Он был умён, любил сопоставлять и размышлять, особенно над природой человека и над его зависимостями. Он был изворотлив. Например, чтобы избежать игр в шахматы дома, он стал оттачивать свой мозг в школьном шахматном кружке, и игра поддалась, стала понятна и даже любима. Сергей в долгих часах раздумий над доской в чёрно-белую клетку стал находить блестящие решения шахматных задач, он создавал свои этюды и восхищался красотой и многообразием мира, уместившегося всего на шестидесяти четырёх клетках. Профессионалом он не стал, но игра стала для него большим спасением от самого себя, нежели всё остальное.

Он научился стратегически выстраивать всё вокруг, с лёгкостью переставлял детей в классе, то повышая, то понижая их статус, при этом сам оставался на незыблемых, чётко сформированных им позициях. Процесс «отдай последнюю рубаху и получи взамен душу», мало осознаваемый в первом «втором» классе, приобрёл видимые черты и вполне осязаемые контуры. Сергей анализировал соотношение ценности отданных вещей и количество полученного для управления душой времени. Это захватывало, и он не на шутку увлёкся созданной игрой.

Со временем позывы причинять боль исчезли совсем – их перекрыла зависимость от восторженности других, от их восхищения его, Серёги, поступками.

По ночам в странных сюрреалистичных снах он часто видел озеро, цветом и формой напоминающее глаза мамы. Он подолгу ждал её на берегу, смотрел, как с плоскогрудой сопки за озером, цепляясь за верхушки деревьев и повисая на них ключьями, ползло облако тумана. Чем ближе оно подбиралось, тем тревожней становился сон. Когда туман завис над самым центром ртутно-серебристой глади, то превращался в кристаллики льда, по форме похожие на кораллы, и из них, как пазл из фрагментарных отрывков, собиралось заиндевшее лицо матери, на котором живыми были только глаза, смотрящие на сына с восхищением и грустью. Поначалу Серёжа пытался бежать к ней, что-то отчаянно крича и протягивая руки, но каждый раз, достигая озе-

ра, он проваливался в зловеще ледяную воду и уходил ко дну, в чёрную непроглядную тьму, где тело сразу же стягивало коконом, внутри которого невозможно было дышать. Потом всё замирало, и мир прекращал своё существование. До утра. До дребезжащих на тонких нотах волн в голове, разрывающих сон. До спазмов в животе. До самой реальной рвоты. До детских ненавистных слёз в подушку, тщательно скрывааемых от отца.

В старших классах изрядно набравший мышечной массы и изворотливости мозга Сергей Гушин подчинил себе и эту, недоступную простым смертным, область. Он научился блокировать в себе желание бежать навстречу матери и просто сидел на берегу, глядя на лицо единственного любящего его человека. Иногда ему казалось, что пронзительно-синий взгляд мамы Леси молит о помощи, тогда он закрывал глаза и просыпался среди ночи, а после долго не мог уснуть, захваченный в плен озёрной яркостью. Но с годами он расширил границы возможностей в этом сне: принимал неподвижную позу и не мигая досматривал всё до конца, при этом взгляд его становился всё внимательней и внимательней, и он уже понимал, что то, что ему является, трудно назвать лицом. Это, скорее, голова, аккуратно отсечённая от тела, покрытая инеем, сквозь холод которого кричат широко распахнутые глаза. Почти плоский холм оказывался их старой квартирой, вернее, одной из комнат этой квартиры, а туманное облако, пытаясь достичь сознания Сергея, выплывало из об-

лезлого пузатого холодильника. Видение, приходящее во сне с завидным постоянством, заканчивалось одним и тем же: холодильник раскрывал свои челюсти и мощным дыханием затягивал в себя выпущенную ранее туманную субстанцию, потом дверь с грохотом закрывалась (на этом месте главное не вздрогнуть, а то и его затянет в царство мёртвых, обречённых на холод, уж он-то знает – пройденный этап!), и взору не взрослому во сне ребёнка лет трёх-четырёх открывалось искрящееся озеро, освобождённое от ртутных красок и отражающее огромное, чуть зеленоватое, солнце. Серёжа зажмурился, встряхивал своими чёрными кудряшками, махал на прощанье озеру рукой, разворачивался и уходил. Даже не уходил, нет, – просто делал шаг от всего, что видел, после чего сразу наступало утро. Шесть часов зимой и летом. Пробежка. Отжимания. Ледяной душ. Сосредоточенное молчание за завтраком. Деланно приветливое лицо одного и избегающее взглядов другого. И вечная шахматная партия, затягивающаяся порой на несколько месяцев. Доска стояла на кухне, и один из них, чей черёд был ходить, мог долго стоять над ней в раздумьях. Иногда они делали по одному ходу в неделю. И надо отдать должное Гущину-младшему – теперь половину партий он уверенно выигрывал у отца.

Дорога на юг, хоть и в пределах одного города, сыграла весомую роль в жизни Гущина-младшего, научившегося быть показательно хорошим. Сыновьих чувств, тех, что обычно

питают дети к своим отцам, он не испытывал, зато периодически гонял в голове думы относительно воспитывающего его человека. Услышанная им однажды фраза, что самые жизнеутверждающие мысли – это мысли о смерти, полностью и бесповоротно оправдывала его желание о скорейшем исчезновении отца с лица этого бренного мира. Но человек мечтает, желает, а бог – располагает всеми необходимыми ресурсами для осуществления или неосуществления замыслов человеческих. Бог иногда подкидывает компромиссные варианты, словно даёт возможность повернуть ключик в грешной голове, чтобы человек постарался хоть что-то исправить. Пользуемся ли мы этими возможностями? Умеем ли их распознать или разгадать своими человеческими мозгами, закованными в обитые железными обручами сундуки, замкнутые на амбарные замки?

Компромисс – занятная штука, мучавшая голову Гущина-младшего лет с десяти. Позднее, будучи уже студентом, он (да, небезосновательно – опыт есть опыт) считал, что для достижения компромисса чаще всего необходим компромат, а сам компромисс кроется в том, насколько ты договоришься сам с собой и как преподнесёшь уличающие факты.

В нашей стране, как и в любой другой, постоянно что-то происходит: вызревают реформы, надрывно стуча шестерёнками встраиваемых в действительность механизмов жиз-

ни, скалят стёртые зубы изжившие себя законы и принципы, сквозь которые пробиваются новые, находящие как противников, так и сторонников, громыхают сапогами по мостовым городов и спешат восвояси* железобетонные конструкции новых идейных форм, возвращенные моралистами, настоянные на древнем содержании, без которого всяческое поползновение не имеет смысла. Надрывно скулит вера, тайком распахивая двери дома, где столько комнат, что не трудно и заблудиться, где и боги-то не могут ужиться друг с другом, а не то что люди, обречённые на конечность и тешащие себя надеждой обрести бессмертие.

Становление Гущина пришлось на весьма интересный период истории страны, в одно десятилетие познавшей несколько руководителей, отличающихся и стилем управления, и идеями. А новая школа с новым коллективом, в котором он был ни Дартом, ни Гушей, а просто Серёгой, добавила остроты и ясности восприятия. Сначала он, тайком да урывками улавливая разговоры взрослых, смаковал мифы о странном образом взлетевшем на вершину партийного айсберга бывшем кэгебисте Андропове, учинившем коррупционным структурам разнос, и выстраивал свои гипотезы, выдвигал свои версии преступлений тех, чьи карьеры летели в тартарары. Потом, вместе с отцом, наконец-то отошедшим от времён застоя и начавшем откровенно высказывать свои мысли, Сергей ждал смерти больного, почти не дееспособного Черненко, а на горизонте уже маячило обнадёживающее

время тотального послабления в воспитании со стороны Гущина-старшего.

Нельзя сказать, что развитие системы каким-то образом влияло на отношения отца и сына и что распределённые судьбой роли подчинялись скрипу государственной машины, но перемены на высшем уровне влекли за собой соответствующие поправки в негласном кодексе их далеко не полной семьи. Отойдя от смерти Черненко и попривыкнув к переменам, отец снова было взялся за «моральный облик» сына, изо всех сил показывавшего свою социальную пригодность, но политическая свобода и гласность, нахлынувшие на страну и сулящие разного рода блага, внесли свои коррективы в их отношения, и методы воспитания, шагая в ногу со временем, чуть смягчились, заиграли красками кажущейся лояльности.

К тому времени Сергей Геннадьевич окончательно утвердился в мысли, что он существо более высокого порядка, чем многие живущие на этой земле, мечтающие о счастье, видевшемся ему в познании себя через боль, так настойчиво отвергаемую другими. Как более развитый, он наложил на себя табу и не позволял себе опускаться до склок, скандалов, сплетен и прочего, прочего. В выросшем в нём понимании счастья он стал корить себя за рукоприкладство, а точнее – ремнеприкладство, совершённое несколько лет назад. Глядя на неуклонно растущего ребёнка, он буквально тонул в чувстве вины перед самим собой и изводил себя небез-

грешным прошлым. Душу лишь грел имевшийся в рукаве ещё один ферзь, ход которого он спланировал уже сейчас. Дав себе слово растить сына без экстремальных мер и держа это слово, Гуцин-старший вместе со всей школой, где трудился на благо подрастающего поколения, и вместе со всей страной, ожидающей это самое поколение для своего блага, восторженно вплывал на трещащем по всем швам корабле в лихие девяностые.

Глава четвёртая. Пуговка

Валюшка была самым счастливым ребёнком! И секрет её счастья был прост – в их семье любили разговаривать, неспешно попивая чаёк из весёлых белых чашек, усыпанных мелкими подмигивающими и улыбающимися ромашками. На столе пыжился самовар – семейная гордость и, как говорил папа, раритет. Раритет – значит, очень старый, а потому – и очень ценный. Валюшка тогда не знала, что слово «раритет» отец говорил, пытаясь заглянуть в далёкое будущее, когда изобретение пятидесятых станет связующей нитью между поколениями. Этот самовар, отливающий серебром, пузатый, натёртый всегда до блеска, подарили ещё на свадьбу Валюшкиной бабушке, которая традиционно собирала по субботам подруг (в большинстве своём – обделённых женским счастьем из-за отгремевшей войны) на чайные посиделки, песни и танцы, иногда к ним заглядывала и соседка Александра с вечно молчащим кавалером. Образ бабушки слабо сохранился в памяти Вали, но отец и мама по-прежнему собирали за огромным круглым столом своих друзей и соседей. А ещё немногословному Вениамину, отцу Вали, просто нравилось это слово. Раритет, и всё тут!

Суббота была святой, её ждали, предвкушая длинный вечер, неспешные беседы, возню с детворой, игры: играли в домино, лото, карты. Много смеялись, особенно, когда лучший друг Вениамина Тимофей изображал известных телегероев или ведущих, вещающих с голубых экранов, или животных разных мастей и пошибов, или просто рассказывал всякие небылицы, на которые был большой мастак!

Да, суббота была святой. Даже более! Ближе к обеду Вениамин уходил гулять с младшей сестрёнкой Вали Верочкой, которой не было ещё и года. Он гордо шествовал перед бордовенькой коляской, переделанной им в вездеход: передние и задние колёса, с которых он предварительно снял резину, соединялись старыми ремнями с ЗИЛа и образовывали гусеничные треки. Такую технику удобно и по снегу катить, и по лестничным пролётам. Коляска в уже модифицированном виде перешла к Верочке от Валюшки.

Счастливым отец обходил весь район с остатками деревянных двухэтажных барачков, здоровался с каждым встречным кивком головы, с кем-то останавливался, чтобы перебраться парой слов, мимо кого-то проходил быстро, но весь район, прозванный в народе Шанхаем то ли из-за когда-то многочисленных, ютящихся и прижимающихся друг к другу барачков, то ли из-за того, что к строительству приложили руки китайцы, неизменно любил высокого черноглазого красавца Вениамина. Заканчивался променады возле въехавшего своим ходом на пьедестал танка Т-34, над которым мас-

сивной стеной нависла современность в виде нового девятиэтажного дома с огромными буквами поверху «СССР – оплот мира». Ещё не так давно этого дома здесь не было. Как всё-таки быстро растёт и строится их город! Глядя на уютившийся между этим домом и танком уже расселённый барак, хозяин женского царства неспешно закурил. Весь район ждал скорейшего расселения, но, похоже, их дом на повороте трамвайных путей не входил в число избранных. Вениамин вздохнул, вспомнив, как трясёт стены, когда по рельсам громыкает трамвай, но потом представил, как девочки: жена и старшая дочь – сейчас наводят порядок в их уютном и тёплом доме. До школы Валюшке ещё полтора года, но помощница из неё уже получилась отменная!

Традиционно к четырём ждали Тимофея с женой, Марину когда-то лучшую подругу, изредка забегавшую к ним и никак не желавшую замуж, и пожилую пару, жившую с ними на одной площадке и частенько выручавшую с детьми: в будни могли и с младшенькой погулять, и за старшенькой в садик сбегать. Им не трудно, а молодым крутиться надо, тем более, что любимая ими, как дочь родная, Мариша Лаваневская ждала третьего ребёнка.

Сегодня Вениамин гулял с особо гордым видом – вчера, когда он вернулся из очередного рейса, Марина, краснея и смущаясь, как будто в первый раз, сообщила ему радост-

ную новость – в августе у них будет третий ребёнок. Молодой отец не сомневался, что снова родится девочка. На вопрос жены, почему девочка, он ответил без тени смущения, что он не знает, как воспитывать мальчиков, а в воспитании девочек – уже профи! Он и имя для неё сразу же придумал. Если уже есть Валя и Вера, то эта крошка пусть будет Вика. «Пусть, – подумала Марина, прижимаясь к любимому мужчине и млея от его заботы, – а если будет мальчик, то будет Виктор, хотя девочка – привычнее, безусловно».

Вениамин стоял около памятника, слегка покачивая просыпающуюся малышку и глядя на боевую машину, прошедшую огонь и воду. В груди щемило от радости, какая возможна лишь при чём-то глобальном, чём-то таком большом и весомом, что её, радость эту, трудно рассказать – её возможно лишь чувствовать, и любое слово губительно для неё. В памяти всплыло, как они, мальчишки-подранки, глазели на въезжающий на постамент танк, как вскидывали руку, салютуя по-пионерски, как клялись друг другу умереть за мир во всём мире. Почти двадцать лет прошло. И оплот мира, белая огромными буквами, уже взгромоздился на самый верх новостройки и воспринимался совсем по-другому – не как реальность, а как пафос, выпирающий из-за каждого угла и бьющий из всех орудий. Тогда он, совсем ещё зелёный пацан, мечтал совершить подвиг, готов был на поступок, а сейчас... К чему сейчас, когда у него есть замечательная семья, он готов? Готов умереть за Родину, как тогда, в детстве? Ве-

ня криво усмехнулся от такой мысли, посмотрел на славное личико Верочки. Назавтра снова обещали холода, но сегодня ему посчастливилось погулять с дочуркой. Вера, укрытая поверх комбинезона пуховой шалью, снова крепко уснула, убаюканная укачиваниями отца. Первый месяц года, неуверенно цепляясь за экватор, мелко рассыпал снежную крупку, даря отдохновение от морозов.

Одернув ещё крепкое, но устаревшее благодаря врывающимся в жизнь новым модным веяниям выходное пальто, Вениамин покатил Веруню домой, мечтая о тарелке наваристого борща и объятых Маришки. Чёрт с ним, с пальто, не оно делает его счастливым, а улыбка человечка в коляске, ямочки на щеках Валюшки, тепло рук жены и расцветающая в ней жизнь. А пальто... Веня поморщился, вспомнив, что сегодня ещё обещалась быть подруга детства Марины – Лариса, или, как она себя неизменно именovala, Ларсон. Общение с этой мадамой вносило порой смуту в ровное течение их застолий, но раз жена её привечает, то пусть приходит, в конце концов, всё какое-никакое разнообразие, хоть и пестрит зачастую в глазах от её модных выкрутасов и шумит в ушах от громогласных речей.

«Чтобы в семье был лад, друг другу надо уступать и делать всё обоюдно. Мариша у тебя и красавица, и рукодельница, и в общении приветлива, с такой по жизни приятно и любо-дорого идти. Береги её, сынок, не обижай», – такими словами напутствовала его мать на свадьбе, эти же слова слете-

ли с её губ, когда она покидала бренный мир, и ещё просила, чтобы они в честь неё детей не называли – пусть свои жизни живут, радостные и счастливые, под своими именами, только для них предназначенными. Так Варвара Лаваневская, мать Вениамина, закончила свои земные дни, а в имена девочек неизменно перекочёвывала только первая буква её имени – ну, не мог он совсем отказаться от подобного увековечивания памяти матери. Отца своего Веня плохо помнил, разве что лицо на фотокарточках порой освежало память или собственное отражение в зеркале – похож был очень на него.

Однажды, ещё в подростковом возрасте, он подступился к матери и выпросил, что скрывает она про отца, какую правду, но скрывать Варваре было нечего – вспоминать было тяжело, как мужики из его цеха толпой пришли и, не смея поднять голов, долго топтались у порога, а потом рассказали, как сорвался во время ремонта пресс. Узнав эту тяжёлую историю, Веня впервые закурил. Он глотал едкий дым, давился, кашлял, размазывал по щекам слёзы, представляя, как от до ума помрачительного красавца (именно так и говорила мать про отца – до ума помрачительный) осталось лишь то, что ниже пояса, как его хоронили в закрытом гробу, как убивалась она по нему, как потом на долгие годы осталась одна, поднимая на ноги сына, изо всех женских сил стараясь, чтобы у него было всё, а особенно – возможность учиться. Говорили они мало – до того ли было? – и Веня постоянно испытывал нехватку в общении, иногда от этого начинала

зудеть кожа – так хотелось обсудить то одно, то другое с вечно пропадавшей на работе мамой, но – не удавалось. И Веня злился и несколько раз даже выговорил ей, что она его не понимает и не хочет понимать. Каким-то чудом ему удалось избежать дурного влияния, хотя соблазнов было много, и только пристрастие к куреву прочно ворвалось в жизнь и оставалось до сей поры.

Отряхнув возле подъезда снег с пальто и ботинок, Веня вкатил коляску на второй этаж, затем аккуратно заехал в достаточно просторный коридор двухкомнатной квартиры. Тихо скрипнули надраенные до блеска деревянные полы. В нос ударили запахи с кухни. На цыпочках, чтобы не разбудить ещё спящую Веруню, он прошмыгнул в комнату. Валюшка сладко дремала на диванчике, поджав под себя ноги и уткнув кулачок в щёчку. Марина неспешно, стараясь не греметь, собирала на стол.

– Умаялась? – шепнул Веня, приобнимая жену и кивая в сторону спящей дочки.

– Да, ещё как! Сегодня она была особенно усердна, так старалась, что два раза воду из таза проливала на пол, такое тут море было, что хоть подложку запускай! – Марина отложила в сторону чайные чашки. – Пойдём на кухню, покормлю тебя, а то с гостями опять голодный останешься.

В противовес коридору кухня была маленькой – там с трудом уживались вместе газовая плита, кухонный сервант с резными дверками и небольшой стол. Одностворчатое ок-

но слабо пропускало дневной свет, который летом терялся в густой зелени растущих напротив деревьев, а зимой стремительно таял, ускользая за угол дома и перебираясь к окнам комнат. К кухне прилепился туалет с до неприличия скромной ванной, втиснутой туда вопреки всем законам физики. Новенький стройный холодильник системы «Бирюса», сменивший своего пузатого, громко ворчавшего предшественника, мирно делил коридорный угол, прижимающийся к кухне, со старенькой, но безупречно работающей стиральной машиной «Ока-7». Эту машину, обветшалого цвета, то ли голубого, то ли бирюзового, Веня помнил с самого раннего детства. На ней стирала ещё его мама, а теперь, не зная хлопот, стирает и Мариша. Несмотря на то, что при работе машина утробно гудела, избавляться от неё не собирались – на недавно выпущенные народ жаловался, мол, то тут потечёт, то там забарахлит, а эта... От добра добра не ищут.

К четырём стали собираться гости. Первыми пришли соседи: Ульрих Рудольфович и его жена – тётя Саша. По обыкновению – со свежееиспечёнными пирогами. Потом в коридор вплыла Ларсон, важно неся свои неудержимо нарастающие килограммы и запрещающая называть себя Ларисой, Ларой или, что ещё хуже, – Ларочкой, а следом за ней, в одни двери, подоспел и Тимофей с женой Катей. Вручив сумку с салатами хозяину, Тимофей с порога закричал:

– А где моя Пуговка?

С криком «я здесь!» из комнаты выбежала, протирая сонные глазёнки, счастливая Валюшка, и Тима подхватил её, закружил по коридору и крепко прижал к себе.

– Когда сами-то уже решитесь? – крепко пожимая руку товарища, словно они не виделись лет десять, спросил Веня.

– Нам и твоих девчонок хватает, а мы пока для себя поживём. Правда, Катюш? – эмоции переполняли Тимофея каждый раз при виде девчушек счастливой супружеской пары, и он не замечал мечтательного взгляда стройной, что твоя берёза под окном, Катерины. – А где малышня-карандашня?

– Она с тётъ Сашей. Давайте проходите уже, – чуть подогнул Вениамин вошедших приятным баском. Он был на полголовы выше своего закадычного друга и выглядел очень внушительно. Марине, выглянувшей в коридор, вдруг показалось, что он вырос из этой квартиры и из этого старого дома. Сейчас он был словно герой из другого мира, случайным образом попавший сюда. Мысль Марину с одной стороны позабавила, а с другой немного напугала. «Да, ожидание нового жилья делает меня мнительной», – подумала она, забирая у соседки Верочку.

Все расселись за круглым, ещё довоенным столом с массивными рельефными ножками и внушительной столешницей. Притягивал взоры главный атрибут дома Лаваневских – натёртый до блеска самовар, высившийся над напоминавшим ромашковое поле столом: по бледно-зелёной скатерти

рассыпались усеянные цветами блюда, чашки, тарелки. Всё до безупречности белое. Самовар щеголял своим носиком, словно приглашал каждого в царство душевных разговоров, тулово его, покоящееся на резной шейке, источало тепло, и, казалось, что хватки, симметрично венчающие крышку, вот-вот готовы были пойти в пляс от радости, что за столом вновь собрались гости.

Валя, по обыкновению, облюбовала себе место рядом с дядей Тимой. Долго сидеть за столом ей не разрешат, а потому надо успеть насладиться моментом и задать мучающий вопрос, а что он ей сегодня принёс? Ведь он обязательно что-то принёс, просто забыл отдать. Пока взрослые раскатывали беседу, примеряясь к темам, Валя улучила момент и, потянув за рукав дядю Тиму, тихонечко спросила:

– А ты мне сегодня что-нибудь принёс?

Тишина, случайным образом нависшая в этот момент за столом, вычленила шёпот девчушки, и все повернули головы в её сторону. Тимофей сначала обескураженно посмотрел на неё – подарка-то сегодня он (вот недотёпа!) и не захватил, потом обвёл хитрым взглядом всех остальных и торжественно достал из нагрудного кармана пиджака шариковую ручку в чёрном корпусе с золотистым опояском. Он нажал на кнопку, и появился кончик стержня, снова нажал – стержень исчез. Валя сжала подарок в кулачке и спрятала за спину, шепнув «спасибо».

Ларсон, полная красotka с идеально прямым носом, то-

ленькими, вопреки моде, бровями, покручивая на среднем пальце левой руки массивное золотое кольцо с огромным красным рубином, недовольно буркнула:

– Ну и воспитание!

Вениамин зыркнул на неё, но ничего не сказал. Марина тем временем, передав ему Верочку, позвала Валю на кухню, чтобы якобы помочь принести забытый хлеб. Там она погладила дочь по голове и, вздохнув, выдавила из себя:

– Солнышко моё, верни ручку дяде Тиме и не выпрашивай больше подарков. Это некрасиво. Что о нас люди подумают?

Валя вернулась в комнату, изо всех своих силёнок сдерживая слёзы, поставила хлеб перед Ларсон, подошла к дяде Тиме и молча протянула ему ручку. Тимофей смотрел не понимая, смешно вращая головой на тонкой шее в разные стороны. Он был похож на маленького ребёнка, который очень любит делиться, но которому только что сказали, что его игрушки никому не нужны. Лицо с острым подбородком, и без того бледное и тонкое, стало ещё бледнее и вытянутее. Обычно прищуренные глаза распахнулись во всю ширь, и взгляд их был настолько пронзительным, что все замерли и всё замерло, казалось, сам воздух перестал двигаться. Взъерошив непослушные светло-русые волосы и упрямо мотнув головой, Тима воззвал чуть ли не к самим небесам:

– Эй, народ, я не вкурил, что плохого в том, что ребёнок попросил подарок. Это же нормально, или я чего-то не по-

нимаю?

– Валюша, поиграй в маленькой комнате, хорошо? – Веня поцеловал дочь в макушку и легонько развернул её в нужном направлении. Тётя Саша забрала младшенькую и ушла вслед за Валец. Ульрих Рудольфович сквозь толстые стёкла очков уставился на съёжившуюся Катю, двумя руками вцепившуюся в белизну чашки. Марина чуть не заревела, собравшись кинуться следом за детьми, но подавила в себе все позывы. Накалять обстановку не хотелось. Вениамин понимал, что сейчас от него как от хозяина зависит многое. Скандалов в его доме никогда не было, не будет и в этот раз. «Ну и воспитание» ещё носилось в воздухе, отец двух дочерей ещё решал, чем ответить, чтобы сохранить мир и покой, как неожиданно для всех заговорил обычно помалкивающий Ульрих Рудольфович:

– Позвольте мне, молодые люди, как познавшему трудности воспитания с разных сторон и разного возраста, – он говорил с едва заметным акцентом чуть надтреснутым голосом, обладающим тем не менее мягкими нотками, – и даже в разных странах.

Катерина распрямила спину, поставила чашку на стол и с интересом уставилась на немца, которого она, как ей казалось, побаивалась, особенно её пугала его гладкая блестящая лысина, слившаяся со лбом, съевшая почти всю голову и позволившая лишь скромной седой ленточке подпирать череп сзади. Меж тщательно выбритых впалых щёк высился нос,

тонким, чуть горбатым хребтом разделяющий бледно-голубые живые глаза и достигающий своего пика над впадиной рта. Марина забыла про слёзы – она многое знала из жизни соседей – они были очень дружны, и тётя Саша, Александра Ивановна, частенько рассказывала ей о житье-бытье с бывшим военнопленным, сам же Ульрих мало что говорил, больше любил слушать. Ларсон, внимательнейшим образом изучая тёмную роговую оправу говорящего, изготовилась слушать, она подхватила руками правую ногу и с трудом водрузила её на левую. Александра, услышав голос мужа, так редко говорящего о себе, вышла из маленькой комнаты и всей спиной привалилась к дверному косяку, не забывая вполглаза присматривать за детьми.

– Я плохо вижу с детства, и очки мало мне помогают, но в конце сорок третьего меня призвали послужить Германии. Война Гитлера затрещала по всем швам, и подгребали всех, кто стоял на ногах хоть сколько-нибудь уверенно. Меня должны были распределить на службу при штабе, но... На тот момент я был женат, и у меня было двое детей, сыновья Дитмар и Карл. Первое имя означает известный человек, а второе – свободный. Им было пять и шесть. Погодки. Оба рыжеватые, как я, – он усмехнулся, проведя по лысине рукой от лба к затылку, – с голубыми глазами. Мы не были зажиточной семьёй. Я учитель истории, жена работала домохозяйкой, а мальчишки постоянно что-то просили. Was hast du heute mitgebracht?*. Так кричали они, когда я возвращал-

ся с работы, и тянули ко мне руки. В эти моменты в их глазах жила надежда, что их мир расцветёт чем-то новым, пусть совсем незначительным, но новым. Когда мне нечего было им дать, я снимал очки – не мог видеть их разочарованных глаз. Разочарование – самое страшное, что может случиться в жизни ребёнка. Перед отправкой на фронт мне нечего было им дать: всё казённое, чужое, неудобное. Я тогда две пуговицы с рукавов от-шпин-до-рил, так говорил один из охранявших нас солдат, когда мы не далеко отсюда строили дом, – Ульрих Рудольфович, справившись с коварным словом, махнул рукой в сторону окна и взволнованно посмотрел на окружающих: замороженно слушала Катерина, теребила кружево на платье, немного нервничая, Александра, замерла на краешке стула Марина, внимательно глазели на него два закадычных друга, подперев на один манер подбородки кулаками, и даже Лариса-Ларсон перестала пялиться на его старомодные очки и смиренно опустила глаза. – Там, вот Александра помнит, она мне и рассказала, церковь* раньше была, её взорвали в сороковом, до войны ещё. Я так и не понимаю, зачем разрушать красоту? Можно не верить в бога, но нельзя не поклоняться красоте. Красота не подвластна меняющимся человеческим богам... Но вернусь к пуговицам. Я вложил их моим мальчикам в ладошки и сжал их кулачки, как будто отдал часть себя... Видели бы вы, как сияли их глаза! Почти сорок лет прошло, но этот свет помню до сих пор, а то, что меня наказали за несоответствующее отношение к форме,

давно позабыл. Если бы не этот свет, свет их глаз, то как бы я встретил известие о моей семье, пришедшее из Германии?

Ульрих Рудольфович снял очки, худыми пальцами с редкими белыми жёсткими волосками протёр глаза, беспомощно посмотрел на жену, молча, не надевая очков, встал и грузно протопал в сторону выхода. Его тяжёлая походка никак не вязалась с хрупкой фигурой. Казалось – дунь, и слетит одуванчиковый пух с окоёма головы, и переломится полый стебелёк, но поступь выдавала в нём иную, более живучую, сущность. Ссутулившийся от времени, но старавшийся держаться прямо, Ульрих Рудольфович всем худосочным складом своим был похож на мать, истинную баварку, уроженку югов Германии, знававшую до замужества, что такое достаток, и наученную отцом своим обращаться с виноградной лозой. Как и мать, Ульрих был тонок лицом и костью, но всё нутро его, всю сущность держал тот стержень, что достался ему от отца, чьи предки покоряли с самых тёмных времён северные моря, расчищая себе дорогу приземистыми, кряжистыми, почти бесшеими фигурами, не страшась ни дьявола морского, ни чёрта земного, ни ада, ни рая. Романтичность матери под стрекот цикад и кузнечиков, под игрища свисающих, словно гроздья винограда, звёзд, под лёгкие ритмичные баварские напевы с шуточными щёлканьями хлыста и танцевальными боями фермеров одержала победу над северными ветрами, гнущимися мачтами, судорожными криками чаек, и неуёмная жажда завоеваний в Ульрихе обрати-

лась страстью к истории, такой же неистовой, как морской шторм, и такой же притягательной, как утренние звёзды.

Старый немец, волею судьбы не просто обрусевший, но нашедший в России то большое и великое, что ищут многие, да немногие обретают, обернулся, ухватившись левой рукой за косяк, а правой нацепляя очки на переносицу, одобритительно взглянул на Тимофея и проскрипел:

– А ручку верните ребёнку. Неправильно это – гасить свет в её глазах.

После этого он вышел из комнаты. Слышно было, как скрипят узкие деревянные половицы, как поворачивается замок, как хлопает входная дверь. Александра Ивановна каждой косточкой, каждым нервом ощутила, как где-то в далёком море, на котором она никогда не бывала и вряд ли будет, ветер погнал волну, растревожил чаек и вбросил на корму комья солёной воды. Она смахнула непрошенные слёзы, виновато глядя на Марину и Вениамина. За окном тихо шёл снег, было безветренно, словно погода внимала речам человека и боялась нарушить искажения времени, предоставляя людям возможность самим решать их условности.

– А какие известия пришли из Германии? – невольно выдохнула миниатюрная Катя, втянула голову в плечи, будто ляпнула что-то не то, и скрестила руки, спрятав их в рукава объёмного крупной вязки свитера. Александра Ивановна, понимая, что сейчас мужу нужно побыть одному хотя бы минут пятнадцать, взяла себя в руки, присела за стол, не торо-

пясь налила чай в весёлую чашку и, отпив глоточек, заговорила:

– Он долго не знал, что с его семьёй. Всё надеялся, что жена увезла детей в Северную Вестфалию, в тихий и спокойный Мюнстер, к его родителям, но несколько лет назад мы узнали, что все они погибли при бомбёжке Берлина в конце войны.

– Вы узнали? – встрепенулась Ларсон, театрально вскидывая искусственно удлинённые, тонко прорисованные полосочки бровей, которые вполне соответствовали моде полувековой давности и никак не вписывались в моду сегодняшнюю, густистую и широкополосную, но Ларсон никогда ни под кого не подстраивалась, ей было глубоко плевать, что носят, что читают и как считают, главным её принципом было «чтобы нравилось ей». – То есть он надеялся, что его семья жива, но жил с вами? Так?

Каверзный вопрос не смутил Александру Ивановну, и тихая её улыбка, словно солнце, прорвавшееся сквозь тучи, озарила комнату.

– Да, так. Всё так, – умиротворённым голосом продолжила она. – Его привезли со стройки к нам в больницу полуживого с двусторонней пневмонией. Врачи уже похоронили его, мол, ничего не сделать, а я продолжала за ним ходить, ставила уколы, кормила с ложечки, меняла бельё, и однажды он в полубреду сказал, что женится на мне, если выживет. Он выжил и сдержал слово. Я была вдовой, и так получи-

лось, что война отняла одного мужа и подарила другого. Он мне моих несмышлёнышей помог на ноги поставить, и мудрее отца я не знаю. За всю нашу долгую жизнь он ни разу ни словом, ни делом не обидел ни меня, ни детей, хоть самому и ох как трудно было.

– Так я всё равно не поняла, а на родину-то к своим он чё не уехал? Он ведь не сразу знал, что они погибли, – продолжала пытаться Ларсон, упираясь пышными локтями в стол и наваливаясь на него всей грудью. В декольте пёстро-красного платья сверкнул массивный золотой крест на увесистой цепочке. Александра Ивановна вздохнула, глаза её снова затуманились, ей захотелось покинуть компанию, но отстоять человека, с которым её свела жизнь, она должна была.

– Боялся он, что узнает, что они погибли и он не сможет думать о них как о живых, не сможет представлять, как растут его мальчишки, как мужают, как строят свои жизни без войны. Он боялся, что они погибнут дважды: по-настоящему и в его воображении, – женщина поднялась, долгим испытующим взглядом посмотрела на дознавательницу, огрудившуюся на стол и масляными подзаплывшими глазками буравившую её невысокую, до сих пор стройную фигуру и добродушное лицо с изумительно чистыми синими глазами, поблагодарила хозяев и сказала, что девочек возьмёт к себе на вечер.

Веня переглядывался с совсем приунывшей Мариной, боявшейся пошевелиться и потому до сих пор ютившейся на самом краешке стула. Катерина во все глаза смотрела

на тётю Сашу, в её голове только что возник новый образ не только Ульриха Рудольфовича, но и того подневольного завоевателя, что попёр когда-то на весь мир и на их страну. Тимофей крутил в пальцах злополучную ручку, уставившись отрешённым взглядом в окно. Когда Валюшка проходила мимо него, он остановил её и, будто прося прощение за всё неразумное вымахавшее ввысь человечество, ещё раз вручил подарок, проговорив:

– Прости, Пуговка. Это твой подарок, и больше его тебе не надо возвращать.

Он хотел её обнять, но девочка отстранилась, взяла осторожно, двумя пальчиками, ручку, подошла к маме и повзрослому, очень грустно, сказала:

– Мама, положи, пожалуйста, мой подарок на полку, я потом приду от бабы Саши и буду писать.

Чёрные, так похожие на отцовские, глазёнки ничего не выражали, в унылой фигуре читалась покорность. Но самым страшным, как подумалось Тимофею, было то, что глаза девочки были сухи, в них не было даже намёка на слёзы. Александра Ивановна, держа Верочку на руках, приобняла девчущку и аккуратно, почти бесшумно, вывела её в коридор. В комнате воцарилась гнетущая тишина. Марина не знала, как попросить Ларису уйти, какими правильными словами это сделать, если, конечно, для такого случая есть правильные слова. Её опередила Катя, несмело предложившая Тимофею отправиться домой.

– Нет! – вдруг надрывно пробасил Вениамин. – Вы как раз должны остаться!

Так сказал или не так сказал, но вырвалось – назад не засунешь, не перепечатаешь. Ларсон вскинула на него невероятно зелёные глаза, изумрудами вспыхнувшие из-под нависших век, поочерёдно оторвала груди от стола и откинулась на спинку стула.

– Какие нежности! Перед ними немецкий недобиток, изменивший не только своей родине, но и своей семье, а они расшаркиваются! Тьфу! Я-то уйду, а вы и дальше тут номинальную устраивайте, язвенники-трезвенники! Ни закусить, ни выпить... Чай-чай... Скучотища! Чай песен не поёт! И, кстати, – крикнула она в сторону коридора, где Александра Ивановна обувала девочек, – не Северная Вестфалия, а Северный Рейн-Вестфалия. Я на историка училась, я знаю, а немец ваш даже название своей родины забыл!

Когда за Александрой Ивановной захлопнулась дверь, Ларсон, закинув в рот шоколадную конфетку и в момент проглотив её, встала и с легкомысленным «бывайте!» вынесла своё тело вместе с демонстрируемыми богатствами в коридор. Все замерли, потом, услышав щёлканье замка, с облегчением вздохнули, а любопытная, как ребёнок, Катя, вытирая слёзы, вспыхнувшие в огромных серых глазах, спросила:

– А крест ей зачем? Она, что, в бога верит?

– Да чёрт ей бог, верит она... Торгашка историческая!

Мандатра! Наворовала себе в своём ювелирном и на машину, и на золото, и на шмотьё. Была б мужик, дал бы ей на дорожку пару добрый фонарей, – в сердцах выронил Тимофей, придерживающийся атеистических взглядов, не верящий ни в чёрта, ни в бога, и сжал кулаки.

– Тима, ну, какие фонари! Ты ж и мухи не обидишь, – перебила его Катя и положила прохладную ладонь на его горячие, плотно сцепленные руки, но буря эмоций, вызванная Ларсон, клокотала и требовала выхода, и Тимофей сквозь зубы яростно выпалил:

– Обижу, Катерина, если надо будет, если муха та будет зудеть не по делу и мешать жить, не посмотрю, что крестами увешана, прихлопну, как гадину последнюю!

Катя легонько сжала его пальцы, хотела ещё что-то сказать, но Марина, сама от себя не ожидая, выдала:

– На безверье и крест – вера, но обсуждать за глаза мы её не будем. Не стоит она того, да и не по-людски это.

Ночью Марина плакала от того, что так неожиданно произошло в их доме. Ей казалось, что мир рушится, что старые стены не выдерживают накала нервов и яростного сердцебиения. Веня сначала, как мог, успокаивал жену, но потом совсем отчаялся и только гладил её вздрагивающие плечи. Сон сморил его нежданно – он так и не смог наутро вспомнить, успокоилась она или нет.

На следующий день Марина ходила смурная. Веня не знал, как подступиться к ней – опыта налаживания отношений у него не было по одной простой причине: до прошлого дня недопонимания меж ними не возникало, и теперь ему было страшно, что он не справится с ситуацией. Перед соседями было стыдно, хотя Александра Ивановна заверила его, что ни он, ни Мариночка ни в чём не виноваты, что никто не несёт ответственности за поступки других, кроме бога, а они – не боги... Впервые захотелось сбежать из дома – так неуютно было находиться в пространстве, которое копилось и ширилось вокруг молчавшей весь день Марины. Как назло, на улице изрядно похолодало, и выйти под предлогом прогуляться с девчонками не получилось.

Уже вечером, когда дети позапрыгивали в кровати и, натянув одеяла до подбородков, мирно засопели, он нерешительно спросил:

– Мне завтра в рейс. Дня на три уйдём. Поможешь собраться?

Марина молча достала из шкафа необходимые вещи: сменное тёплое бельё, хлопчатобумажные и шерстяные носки, рубашку – аккуратно разложила всё на столе. Принесла брезентовый рюкзак, также, с видимой аккуратностью, положила его на стол и ушла в маленькую комнату, где беспокойно заворочалась Верочка. Ещё вчера счастливый на все сто процентов отец семейства стал самостоятельно укладывать рюкзак, но рубашку отложил в сторону. Когда Марина

появилась в комнате, попросил:

– Дай, пожалуйста, другую, на этой пуговица отвалилась.

Она по-прежнему молча открыла шкаф и бесцельно посмотрела на его содержимое, будто забыла, что ей нужно. Не выдержав тишины, Вениамин скрылся в коридоре, взял сигареты и вышел на площадку. Марина притворила дверцу шкафа, так ничего из него и не достав. В каком-то отстранённом состоянии она достала коробочку со швейными делами, выбрала подходящую пуговицу и, ловко вдёрнув нитку в иголку, быстрыми уверенными движениями пришила её. Потом достала из рюкзака все вещи и переложила всё по-своему, так, как делала всегда – компактно, в боковые карманы уложила электробритву и одеколон, пакетик с зубной щёткой и пастой. Посмотрев на свою работу, удовлетворённо кивнула головой и прошла на кухню, чтобы собрать в дорогу кой-что из провизии.

Веня застал Марину, когда она наливала воду в дорожные фляжки. Он осторожно подошёл сзади и обнял её.

– Родная, давай поговорим. Не могу я так уехать, да и тебе тяжело будет.

Марина развернулась к мужу, подняла голову вверх и всмотрелась в его лицо. От её взгляда, прожигающего насквозь, стало совсем невыносимо. Руки невольно опустились.

– Родная? – еле слышно переспросила Марина, и голос её от долгого молчания заскрипел, как половицы в коридоре. –

Ты говоришь – родная... А родных надо защищать...

– О чём ты, Мариша? Разве я тебя не защитил бы, будь такая необходимость? – недоумению Вениамина не было предела.

– Необходимость была, а ты не защитил, – упрекнула его любимая женщина, и от того, что она – любимая, стало горячо в груди, от позвоночника по рёбрам пошла волна жара. Вениамин задохнулся.

– Необходимость?.. Была?.. О чём ты?

– О Ларисе я, – голос перестал скрипеть, обретя свои обычные мягкие очертания, и странно было слышать дальнейшие упрёки в этих очертаниях. – Ты дал в обиду нашу дочь. Ты не поддержал Тиму, когда он сказал, что ничего плохого в том, что ребёнок попросил подарок, нет. Мне пришлось увести Валюшку на кухню и сказать ей, что нехорошо просить подарки, а сегодня она...

Тут Марина захлебнулась давно накатывавшими слезами, голос задрожал, провалился в пустоту, и она, сотрясаясь каждой клеточкой тела, не закончила фразу. Веня прижал жену к себе, всем своим ростом закрыв её от мира. Пока она плакала, он лихорадочно прокручивал в голове вчерашнюю сцену за столом. Да, Тимка за Валюшку вступился, а он... Он как в ступор какой-то провалился и ничего не сказал, выискивая верные слова. Подлюка Ларка! Зачем она ходит в их дом? Трясёт своими нарядами... и всем остальным... Что ей надо? Пусть только ещё раз сунется... хотя после такого

ни один здравый человек не пришёл бы... Чёрт с Ларкой! Сейчас его больше всего интересовало, что с Вале́й? Что она сегодня? Дождавшись, когда Марина перестанет реветь, он спросил:

– Что с Вале́й? Что случилось?

Марина подняла на него покрасневшие глаза и медленно, словно хотела ошибиться, произнесла:

– Она сегодня не такая, как обычно. Она так со мной говорила сегодня... как будто... взрослая... Ей же ещё нет шести, а в глазах – всё беспросветно и безрадостно. Веня, Венечка, милый, она никогда не была такой грустной.

Он, насколько сумел, неуклюже подбирая слова, успокоил жену:

– Всё образуется, родная. Рано или поздно дети вырастут. Ты только Ларсон эту не зови больше, хорошо? Нечего ей в нашем доме делать, – Марина часто-часто закивала головой, на сердце мужчины немного отлегло, жар отхлынул, и дышать стало легче. – Вернусь из командировки, и сходим куда-нибудь все вместе. В кино, или лучше в кукольный театр, или в цирк! Хочешь в цирк? Вот и хорошо. Вот и сходим.

В рейс уходили вместе с Тимофеем на двух под завязку гружёных машинах. Везли на севера, в Чёрмоз и Майкор, продукты, вещи, книги. Веня любил свою машину – мощный ЗИЛ-131, здесь он чувствовал себя надёжно и непоко-

лебимо, надёжнее, чем царь на троне, которого могли свергнуть, а его – попробуй! Начальство ценило Вениамина Лаваневского: непьющий, ответственный, пунктуальный и, главное, лишних вопросов не задаёт: надо – сделает, сказано – доставит, любую непогоду одолеет, с любой поломкой справится. Кроме этого, он ещё и искренне любил свою работу, пусть нелёгкую и отрывающую от семьи, но зато прилично оплачиваемую, да и, кроме зарплаты, приносящую немало выгод – шоферам, снабжавшим север Пермской области: Чёрмоз, Майкор, Пожву, Орёл и ещё дальше – Берёзовку и Гайны – тоже доставалось от прелестей жизни в виде гречки, сгущёнки, шоколада и прочих «разносолов». В магазинах на прилавках шаром покати, а в их доме всегда разнообразие и достаток, и девочки всегда хорошо одеты – себе не купит, а им – отказа не было.

Влюбился Вениамин в профессию бесповоротно и окончательно, когда доставлял груз на метеостанцию близ маленького посёлка Тулпан. Это был его первый дальний рейс. До Соликамска худо-бедно дотряслись, а дальше началась трудная и местами едва проходима́я дорога через Чердынь и Ныроб – такие маршруты на всю жизнь запоминаются. Они совсем немного не доехали до границы, подпирающей Коми-Пермяцкий округ. Зато как их приняли на станции! Как самых дорогих гостей! Тогда-то Вениамин и прочувствовал край, где родился и вырос, во всей его суровости и необъятности. Тогда-то он и испытал то, что не смог обозначить

никакими другими словами, кроме слова благодать. Тайга, холмами расползающаяся в разные стороны, заворачивала своими видами, намертво вписывая в память каждую деталь.

Стоял июль, в воздухе носилась мошкара, старающаяся сожрать тебя до основания. Несмело пестрели в высокой траве жёлтые цветы, названия которых Вениамин не знал, и, безымянные, они пленили его как-то по-особенному – так звёзды пленят, имён которых не знаешь. Но особенно впечатлила Веню старая заброшенная церковь*.

Октябрятско-пионерское детство и комсомольская юность заменили ему то, во что тайком верила его мать, хранившая в одном из ящичков комода, под постельным бельём, пару небольших икон, тоненькие свечи, обёрнутые носовым платком, алюминиевые крестики в целлофановом пакетике и тетрадь с десятком написанных от руки молитв – богатства, обнаруженные им случайно и покоробившие его до глубины души, какая только может быть у человека, врывающегося во взрослую советскую жизнь. С того времени он стал стесняться своей матери, избегать её, не принимая и чураясь её веры. На существование этой тайны он повесил вину за то, что мать не давала ему в детстве полноты общения. Но это тихое древнее место с давно поросшими бельём да травами могилами всколыхнуло советские устои...

Тогда, стоя перед старенькой полуразрушенной церковью с зияющими пустотой окнами и просевшим крыльцом, он понял вдруг, что такое вера, и устыдился своих преж-

них чувств по отношению к тому, что надёжно хранила его мать на дне ящика комода. Вера без подобострастия, без бахвальства и противостояния. Негромкая, простая, горячая. Он стоял перед уцелевшим под давлением времени зданием и молча просил здоровья для матери, стесняясь совершать какие-либо действия, пусть даже просто посмотреть в небо. Стоял, потупив взгляд в землю... Тогда-то и обожгло, и, наверное, тогда и предначертал для него бог Мариночку, вскоре появившуюся в его жизни. И, наверное, тогда же и определил бог, что будет у него много девчонок. Вот только маме так и не достанется его слов, хотя жива ещё была. Жива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.